

Валерий Сабитов

ТУМАННОСТЬ
книга вторая

ЯВЬ МИРА ТАНТРЫ

16+

Валерий Сабитов

**Туманность. Книга
вторая. Явь мира Тантры**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Сабитов В.

Туманность. Книга вторая. Явь мира Тантры / В. Сабитов —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Приключения на Чёрной планете Железной звезды и Анахате – планете солнцеподобной Дафран. У королевы Анахаты Синхии свои планы на экипаж Ананды. Невидимый хозяин мира Тантры делает всё, чтобы включить их в десант для захвата родины айлов – Арда Айлийюн. С героями романа попрощаются живой Корабль и могучий обитатель Лампы Фиргун-Чакравартин. Людям трёх миров придётся рассчитывать на свои возможности и разум. Но с ними – возрождённый вождь Фаэтона Эрланг и загадочная сила неуязвимых радужных айлов. Экипажу без звездолёта предстоит отыскать способ вырваться из Туманности.

Содержание

Книга вторая	6
Часть пятая	7
Притяжение	8
Плато Креста	11
Спиралодиск	18
«Тара Патха»	21
Атака Дахмау	27
Планета Веги	33
Сновидение Нура	39
Возвращение Эрланга	42
Разрыв Алгоритма—5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Валерий Сабитов
Туманность
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИЙ

РОМАН-ДИЛОГИЯ
КНИГА ПЕРВАЯ: «МИРАЖИ МИРА ЯВИ»;
КНИГА ВТОРАЯ: «ЯВЬ МИРА ТАНТРЫ»

Книга вторая

Явь мира Тантры

Часть пятая

«Звёздный Парус» (Железная звезда)

«К нашему настоящему я относился как к далёкому прошлому...».

Иван Ефремов о работе над «Туманностью Андромеды»

.

Притяжение

– Ананда не способен на движение по собственной воле, – спокойно объявил Нур, – Мы в капкане поля неизвестного происхождения.

За пределами Сферы ни одной звезды. Кругом – серая непроницаемая мгла. Мгновенная смена картины ближнего космоса переключила внимание экипажа от внутренних проблем к внешним.

– Возможно, гравитационное сгущение. Например, пространственная улитка, – взволнованно сообщил Ананда, – Определить источник возмущения и его характеристики я не в состоянии. Нас тянет в глубь некоей туманности.

– Разве нельзя выявить, какого рода сила действует? – раздражённо спросил Эрвин, – И почему Корабль волнуется, а Капитан спокоен?

– Признаки гравиполя в наличии, – ответил Ананда, – Но его мощности недостаточно для удержания. В электромагнитном спектре – ничего аномального. Но ведь реальность не исчерпывается известным? Вот и взбунтовались мои эмоции. За Капитана не отвечаю.

Между тем изменилась сила тяжести, стало заметно легче. Но повысилась температура воздуха, дыхание затруднилось. Нарушение привычного комфорта внутри Сферы экипаж воспринял болезненно.

– Резкий скачок рентгеновского излучения. Высокотемпературный источник. Подозреваю наличие звёздной пары. Что радует – мы в нормальном пространстве-времени, а не в пустотном мешке чёрной материи.

Сообщение Ананды не воодушевило. Демьян сказал Ефремову:

– Ананда намекает, то мы в плену двойной звезды. Одна – нейтронная, очень горячая и невидимая в оптическом диапазоне. Другая – скорее всего голубой гигант. Но той другой не видно. А рентгеновский источник может быть и в шаровом скоплении, в его центре. Но аккреция газа не наблюдается...

Кея не дослушала и спросила:

– А что такое нейтронная звезда?

Демьян без интереса посмотрел на игру цвета на её лице. Напряжение в нём росло, и он попытался снять его через разговор:

– Схлопнувшаяся звезда с массой побольше солнечной. Да и Коханды. Если сильно больше, мы столкнулись с Чёрной дырой. Нейтронная звезда имеет ядро из нейтронов. На поверхности кора в несколько километров толщиной, состоит из вырожденного вещества. Голые ядра железа и никеля.

– Железная звезда! – воскликнул Ефремов.

Нур вспомнил роман «Туманность Андромеды». Что тут первично – текущая реальность с «капканом» или текст романа? Во втором случае нормального голубого гиганта не должно быть. Но Ананда не ошибается. Звёздная пара в наличии. Ещё одна скрытая масса?

Ананда согласился с Демьяном:

– Скорее всего, товарищ Прохоров прав – притягивает нас нейтронная звезда. Пытается притянуть! Её поле тяготения само по себе не способно создать такой капкан. Что мы, не видели нейтронных звёзд? Действует сила, мне не известная. Я попробую что-нибудь сделать. А Демьян расскажет интересненькое да полезненькое. Расскажешь?

– Пока все данные – за нейтронную, – послушно сказал Демьян, – Магнитное поле, результат взрыва сверхновой. Возможно... Физика этого района нам незнакома. Вакуум другой, релятивистские эффекты... Железной её называть не корректно...

Нур решил вмешаться. Пси-фактор никто не отменял, а реальности, – как действующая, так и ефремовская, запечатлённая в прошлом, – не обязаны сильно различаться.

– Давайте назовём эту звезду для простоты Железная. И таковой запомним. Высокая плотность, притяжение, мощное излучение. В том числе в инфрарадиопазоне. Да, я забыл! Кея, ты видишь эту звезду?

Кея отвечала с удивлением:

– Вижу. Но меня никто не спросил, вот и молчу.

Она протянула руку и добавила:

– Вот она. Тёмно-красная. Или коричневая. Тёпленькая.

Демьян покраснел, но согласился:

– Железная... Пусть так. Спектрального класса Т. Погасла, но не остыла. Светит чёрным светом, который видят гайяне, в длинных волнах. Должны быть и планеты, тоже для нас невидимые. Кея и Ананда способны...

Ананда сообщил о возрастании силы притяжения. С поправкой – тянет не к самой звезде, а к центру масс. То есть постулировал наличие второй звезды, которая не фиксируется Кораблём.

– А вот и планетка для вас! – радостно сообщил Ананда, – Да, невидимая для ваших очей. А тёпленькое солнышко наблюдать с её поверхности сможете. Наслаждаться видами... А так, должен признать, туман кругом непроглядный.

Демьян и Ефремов обменялись взглядами. Итак, оппозиция рассыпалась, перестала существовать, отметил Нур. Раньше бы, и миновала б их чёрная невидимая чаша. А Демьян, в русле его мыслей, сказал:

– Идеальная чёрная планета. Почти не отражает в оптике. Да и отражать нечего, светило само такое. А ещё, возможно, в атмосфере натрий с калием, поглощающие фотоны. И паров воды, скорее всего, нет.

Ефремов добавил:

– Или же она состоит из вантаблэна – самого чёрного материала. Стопроцентное поглощение света, от инфракрасного до ультрафиолетового.

– Остаётся предположить, – продолжил Эрвин, – что её поверхность состоит вертикальных угольных нанотрубок. Здесь нам не выжить.

– А что это – нанотрубки? – спросила Кея.

Ответил Эрвин:

– Полые ниточки. Диаметром в десятки тысяч раз тоньше твоего волоса.

Успокоил всех Ананда:

– Не надо придумывать. Накличете. Атмосферное давление и гравитация на поверхности немного превышают показатели Илы-Аджалы. Почти как на Гайяне. Можно дышать, воздух вполне приличный. Но кто боится – выдам скафандр. Становитесь в очередь...

Азхара подняла руку. И теперь только все увидели размытый серым туманом кроваво-коричневый диск Железной звезды. Инфразвезды.

– Перехожу на режим облёта. Деваться некуда, будем заходить на посадку по сужающейся спирали. Возможна турбулентность. Не люблю я такие свирепствующие атмосферы. Но ведь лучше, чем жидкий фтор вместо воды, или сплошная вода вместо суши?

Демьян недовольно пробурчал:

– Ещё бы сказал: «Пристегните ремни!»

Ананда рассмеялся и предложил:

– Будет правильно, если займёте места в креслах. Удобств не гарантирую, но жить будете. Кея передвинула кресло поближе к Азхаре. Ефремов, поколебавшись, сказал:

– А если с прожекторами? Такое возможно?

– Легко, Иван Антонович, – ответил Ананда, – Как прикажете. Мудро!

И оказалось – нет никакого Тумана Непроницаемого. Просто тьма, то есть отсутствие света. А в лучах трёх прожекторов открылась поверхность планеты: равнины, горы, плоскогорья, океан. Насыщенный чёрный цвет ровных поверхностей отталкивал взгляд, будоражил воображение неприятными аналогиями.

– Чёрные пески! – вытащил из своей безразмерной памяти жуткое определение Демьян, – Только бы не радиоактивные.

Ефремов «пояснил» для Кеи, поднявшей к нему вопросительный взгляд:

– Радиоактивный чёрный песок – это минерал, который получается от ветрового и водного разрушения. Содержит уран и торий, создающий гамма-фон. Но он должен скапливаться на побережьях. Думаю, в большинстве песок внизу безопасный, оставшийся от накрывавшего когда-то сушу океана. Но это – земное представление. Тут может быть по-другому.

Кея кивнула в знак то ли понимания, то ли вежливого согласия. Нур повеселел. Спираль снижения приближала к планете, открывая детали рельефа. Экипаж оживает. Планета – подарок, здесь обилие загадок и сюрпризов. Роух знает, что предложить исполненному оппортунизму коллективу. Более других заинтересовался Ефремов. Глаза горят; и складками занялся. То поправляет их на спортивном костюме, то разглаживает на высоком лбу. Преображение в учёного-экзогеолога радует. На этой планете он полезнее любого другого.

– А вот и астроблема! – воскликнул Иван Антонович, указывая на круговое углубление, сплошным тёмным пятном выделившееся на искрящемся чёрном полотне равнины, – Ударный кратер! Определённо, здесь есть жизнь!

Плато Креста

Ананда облетел планету трижды. Не торопясь, с периодическим замедлением снижаясь. Даёт возможность выбрать место посадки, понял Нур. Найти бы анклав жизни, предпочтительно разумной. Так оно, вероятно, и получится. Но как бы им не захотелось бежать от контактов как можно дальше... Экипаж явно не созрел для задач, ему уготованных. Для неизвестного предназначения. Так что придётся закаляться в испытаниях.

Ананда притормозил, почти остановился. Да, Корабль не зависит от всяческих полей и энергий. Но знает о том один Капитан. Да ещё, пожалуй, Фиргун. Чакравартин... Сидит спокойно на кушеточке и невозмутимо крутит в пальчиках многомерную игрушку.

Плато, обрамлённое скальным массивом... Горы без растительности, с множеством расщелин. В их непроницаемой черноте могут скрываться невиданные чудища. Не исключено, обладающие суперспособностями. И с целями бытия, несовместимыми с человеческими.

А вот с брамфатурой что-то происходит. На грани восприятия, но заметно. Нур провёл у изголовья времени больше, чем в каюте. И лицо Эрланга изучил, пожалуй, лучше Леды или Эрвина. Реагирует на что-то спящий фаэт. Интереснейшая личность, ранга Сандра или даже Ахияра. Встреча с ним приведёт ко многим последствиям. И повлияет на судьбы каждого из них. Нур в который раз воспроизвёл в памяти биографии спутников. Нет в мирах случайностей. И вот они собраны вместе...

Ананда применил для информации голос Ефремова, чем приятно удивил Нура:

– Мы в фиктивном пространстве Минковского. Вам это о чём-то говорит? Так я и думал. Каждый кое-что слышал, кроме Кея. А ей и не надо. Правда, Самайра? Если можно обойтись без какого-либо знания, то лучше к нему не приближаться. Я тоже не очень разбираюсь в искривлениях привычных смыслов. Нормальный мир, светлый, тёмный... Всё ведь зависит от наблюдателя, не так ли? Давайте-ка тут приземлимся, если так можно выразиться. Горы кругом, воздух свежий, и долина ровненькая, если далеко не ходить...

Разговорился Ананда. Значит – приехали. И Нур объявил:

– Садимся!

– Народ! – с энтузиазмом спросил Ананда, – Кому скафандр? Жду заявок.

Странно... Одежда фаэтов, оставшаяся у Леды с Эрвином, универсальная при наличии шлема, не добавила им ни уверенности в себе, ни веры в обещанную Анандой безопасность. Они колеблются в выборе... Представители цивилизации, имеющей выход в космос! А вот Кея несколько не смутилась. Расправила по-ефремовски складки лёгкого платица – и всё, готова ступить на почву загадочного мира. Ефремов тоже не дрогнул, окончательно примкнув к айлам. За ним последовал и Демьян. Азхара – понятно, она ведь часть Нура. А он – часть Азхары. Фиргун попросил не трогать его Лампу – он не желает выходить в мир без радуги.

– Полезнее для здоровья посидеть с Эрлангом и полистать умную книжку из земных библиотек. Попробую-ка я обратиться к наследию дорогого нашего и незабвенного Ефремова Ивана Антоновича. Иван, ты не против?

Ефремов светло и легко улыбнулся. Нур облегчённо вздохнул – настал момент! «В своей тарелке» Иван Антонович. А Фиргун уже зачитывает цитаты:

«Обрисовались очертания огромной равнины, вдавшейся в океан или разделявшей два океана почти на экваторе планеты».

«Огромный океан – подлинное море ужаса. Беспросветно чёрные волны... Вместо гор – незначительные возвышенности чуть больше, чем на Марсе».

«Сквозь толстую атмосферу, изобилующую влагой, звёзды просвечивали бледными, расплывчатыми пятнами. Лишь намёки на созвездия. Красноватые тусклые фонарики...».

Ефремов посмотрел на небо – никаких «фонариков». Снова улыбнулся, махнул рукой и ничего не сказал. Только посмотрел на Нура взглядом спокойного, уверенного, готового ко всему человека. «Фиктивное» пространство его не пугает. И Нур принял решение:

– Как Капитан Корабля, определяю порядок действий. Первое – исследовать окрестности в пределах ста метров. Экспедицию возглавит Иван Антонович. Второе – остальные ждут в Сфере.

Ефремов вошёл в руководящую роль моментально:

– Со мной – Эрвин и Демьян. Из освещённой зоны не выходить. В готовности помочь друг другу.

Эрвин потянулся к шлему. Но, заметив усмешку Ефремова, раздумал.

Три прожектора осветили круг радиусом около ста метров. За его пределами абсолютный мрак. Вне защиты Ананды неопределённо громадное квази-замкнутое пространство кажется ловушкой. В темноте мерещатся светлые тени, загораются и гаснут красные огоньки.

– Минковского бы сюда, – негромко сказал Ефремов, – Вместе с тем, кто открыл Пси-фактор. Обойдём корабль по часовой стрелке, раскручивая спираль. Не приближаясь к темноте.

Чёрный купол неба давит ощутимо, добавляя тяжести телу. Песок под ногами скрипит, словно смесь ржавых гвоздей и стекла.

Из уютного пространства Ананды трое выглядят беспечными туристами, потерпевшими кораблекрушение и выброшенными на неизвестную сушу в повседневной одежде и без инструментов выживания.

Эрвин в облегчающем костюме фаэта – словно цирковой, внезапно эвакуированный из манежа. Демьян в неизменном штатском синем пиджаке и джинсовых брюках мог сойти за старого профессора географии, решившего наконец изучить предмет на практике. Ефремов, уже неделю предпочитающий спортивный костюм с вышитым на груди и рукавах гербом родной Империи, мог сойти за проводника-аборигена.

Ананда установил с группой Ефремова связь, суть которой Нур не понял. Никаких устройств, а можно вести диалог голосом. Первой задала вопрос Кея:

– Ефремов, как вы там? Жить можно?

– Нормально, – весело ответил Ефремов, – Но угнетает отсутствие нормального неба. Ни солнца, ни луны, ни звёзд. И цвет почти один. Тьма тьмущая. Сами себя освещаем.

В разговор вступил Фиргун:

– Темноты в Галактике вообще нет. Даже совсем! Тьма – да, имеется. Но она не обязательно тёмная. Чаще бывает наоборот. Увидишь самое красивое и ласковое – и это будет маска тьмы. А вы всей могучей экспедицией ищете врага? Подозреваете этот мир во враждебности? Чудищ там, конечно, предостаточно. Но там и склад целый полезных для вас вещей. А чудища – всего лишь охрана, смотрители музея.

Час хождения вокруг Сферы не принёс никаких открытий. И Нур попросил экспедицию вернуться. Ананда заявил, что работа разом трёх прожекторов нерентабельна. И теперь он будет включать один и на время исследований. А так, – только внутреннее освещение.

Ефремов согласился – светового коридора достаточно. К тому же увеличится вероятность контролируемого контакта с темнотой. Кто-нибудь там себя и проявит. Пока жизнь планеты изучает гостей, определяет своё поведение.

Ночь Капитана прошла беспокойно, в одиночестве у саркофага. Фиргун погасил свечу и исчез где-то в Галактике. Анклав бытия отмечен лишь сиянием брамфатуры. После полуночи по корабельным часам атмосфера за «бортом» взволновалась. Процесс естественный, температура падает, давление меняется, назревает шторм. Резко повысилась электромагнитная насыщенность. Вначале замигали белые и розовые огоньки, затем сформировались или спустились с горных расщелин яркие шары плазмOIDов. Внутри Ананды посветлело.

Нур наблюдал за движением разномерных шаров, пытаясь угадать систему. Но никакой упорядоченности не нашёл. Ничего особенного, нормальные природные процессы. Разум или животный мир не торопятся себя проявить. А те и другие тут непременно есть. Недостаток видимого света отнюдь не запрет.

Утро подтвердило уверенность Капитана. Ефремов проснулся, облачился в скафандр, вооружился фонарём и вышел наружу. Ананда включил прожектор, высветил туннель в сторону ближних гор. Восклицание Ефремова остановило начавшийся без него коллективный завтрак, первый совместный после проверки-тестирования экипажа.

– А к нам приходили! Пока мы спали, нами интересовались аборигены!

В голосе – веселое возбуждение. На этот раз в скафандры облачились и Азхара с Ледой. Группа из пятерых выглядела солидно, и обязана заинтересовать любопытных аборигенов. А следы они оставили – углубления в чёрном песке до сантиметра глубиной и десять в диаметре. Представить существо на основании следов отказался и Ефремов.

– Всё-таки жизнь! – радовался он.

«Парадокс! – удивился Нур, – Встреча с внеземной цивилизацией Гайяны так его не возбудила. Тут неизвестно кто оставил всего лишь неопределённые следы, а он на небе от восторга».

Демьян реагировал рациональнее, сказывалось влияние фазетов:

– Атмосфера наэлектризована. Ночной ураган... Гости, следовательно, были после, под утро. Наше утро. Выходит, наши суточные ритмы совпали с планетными. Или близки к ним. А ещё – в таком мире существа просто обязаны накапливать электричество. И разряжать его при необходимости.

– Они видят в темноте, вне оптического диапазона, – добавил Эрвин, – А на свету – слепы. Мы для них невидимы, потому что внутри светового коридора. Для них он – чёрный непроницаемый цилиндр. Или кишка.

– Мы вполне можем попасть под электромагнитный удар. Ананда уверил, что скафандры обеспечат защиту. Но как защитит он от молнии или магнитного импульса? – обеспокоился Демьян.

Ананда не согласился с ним:

– Между нами концептуальное непонимание, землянин Прохоров. Я тебе гарантирую общую, то есть универсальную защиту. А ты беспокоишься о кусочке внутри ограниченного спектра. Что с тобой? Если хочешь переживать, я помогу. Бойся не молнии, а клыков или щупалец. Мышцы надо было тренировать перед выходом в дальний космос.

Азхара, присев над ямкой-следом и дотронувшись до неё рукой в перчатке, сказала негромко:

– Интересно мне, Тьма тоже имеет гармонию внутреннюю? Не темнота, тут ясно мне. Я про мир Дзульмы. Думаю, гармония всё же есть и там. Но не совпадет с нашей принципиально. Нравственность у них иная. потому что Тьма в основе бездуховна. Я правильно думаю?

«Кого она спрашивает? – спросил себя Нур, – Или не спрашивает? А предлагает задуматься тем, кто вне Сферы. И кто в любой момент может встретиться с Тьмой лицом к лицу. Да, так. И не мне отвечать».

Прошёл час ближней разведки. Точнее, ощупывания почвы под ногами. Наступает новый планетный день, и он уже приготовил сюрпризы для инопланетян. Светлые почему-то рвутся в темноту, а тёмные – в свет стремятся.

Отвлекал шум в атмосфере. Непонятого происхождения, он заставлял напрягаться и прислушиваться. Звуки иногда складывались в слова, понятные всем.

– Эхо моих мыслей, что ли? – спросил себя Демьян.

– И моих! – подтвердил Эрвин.

Нур заинтересовался – сам он не смог вычленил в шуме отражения своей внутренней речи. Но заметил, что за «эхом мыслей» скрывается другой слой звуков. И он тоже претендует на осмысленность. Но так оно на самом деле? И решил снизить порог ожидания разума на планете тьмы:

– Иван Антонович! Напомню твои слова: «В недвижимом воздухе морозного утра пар, вырываясь изо рта, сразу превращался в мельчайшие льдинки. Трение льдинок на лету друг о друга и производило характерное тихое шуршание. Этот тихий шелест, называемый якутами «шёпотом звёзд», означал, что мороз больше 45 градусов». Может, и тут всего лишь воздух шуршит?

Ефремов потянулся рукой к голове, но шлем помешал.

Загадка атмосферы рассеяла внимание.

Плазмоид заметили не вовремя. Пока он не приблизился к Леде и не заискрил. А затем и зазмеился голубыми молниями. Первым отреагировал Ефремов, находящийся в трёх шагах. Прыжком преодолев расстояние, он рывком отбросил её в сторону. Воздух заволновался и шар, начиненный молниями, разрядился в Ефремова, рассыпавшись снопом искр. Он покачнулся, сделал шаг вперёд, неуверенным движением отстегнул шлем, откинул в сторону. Сняв перчатку с правой руки, принялся пальцами тереть глаза.

Ослепление и шок, понял Нур и скомандовал:

– Демьян! Проводи Ивана Антоновича домой!

Роух приведёт его в порядок. Иначе зрение в опасности. А скафандр работает хорошо, держит удар. Ефремов выключил фильтр шлема. Беспечность от взволнованности. Необходима дополнительная психологическая подготовка, иначе подобные случаи превратят пребывание на планете в мучение. И Нур приказал:

– Экспедиции вернуться на Ананду!

Зрение к Ефремову вернулось через час, взбудораженная нервная система успокоилась. Он довольно улыбался.

«Как и скафандр, тоже крепко держит удар. Ведь прикрыл Леду своим телом, по сути, – с уважением подумал Нур, – А никто больше и не дёрнулся. Ни Эрвин, ни Демьян. А у них ведь солидный опыт работы в экстремальных ситуациях».

Экспедиция вернулась вовремя. Световой коридор заполнили плывущие в спокойном воздухе коричнево-чёрные существа, похожие на земных медуз. Тела меняют оттенки, щупальца колышутся, неспешность...

– Красиво плывут, – заметил Демьян, – Наверняка заряжены электричеством по самое «не горюй». А может, и ещё чем-то.

– Мы не готовы к соприкосновению с миром мрака, – спокойно сказал Нур, смотря на Ефремова, – Беспечны. Ты под шоком снял шлем. И подставился. Никто из вас и не задумался о близкой опасности. Малой части заряда той шаровой молнии достаточно, чтобы превратить тело человека в горстку пепла. Ни себя не бережём, ни о других не думаем. Вы так делали на прогулках в зоопарке? Лезли в вольеры к хищникам?

«Исследователи» склонили головы. Кроме Ефремова – он, коснувшись влажным платком глаз, продолжал следить за движением медуз, постепенно заполнявших световой коридор. Их уже не менее ста. Ананда усилил звук извне. Потрескивание, отрывистые щелчки. То, что доступно в человеческом звуковом диапазоне. Кея наблюдала за медузами, стоя рядом с Ефремовым. Юная гайянка наверняка фиксирует значительно более богатую картину. Надо с ней поговорить о возможности видеть её глазами. С Вэльвом такое получалось легко. Но то ведь Вэльв!

Медузы, не доплыв до Сферы нескольких метров, оживленно зашевелили щупальцами и в течение минуты исчезли из поля зрения. Сигнал! Новый шторм? Наверняка он будет отличен от ночного. Хорошо бы внимательно посмотреть из надёжного укрытия.

– Ананда! – сказал Нур, – Прошу отключить весь внешний свет. И сделать Сферу полупрозрачной извне.

И обратился к экипажу:

– Сегодня отдыхаем и наблюдаем. И – думаем, готовимся к рабочему завтра.

– Необходимо специальное оборудование. Хотя бы инструменты, – просительным тоном сказал Ефремов, – Хорошо бы геологический молоток. И отбиваться удобно. И ещё что-нибудь полезное.

– Сделаем, Иван Антонович, – немедленно отреагировал Ананда, – Для вас – всё что угодно. И скафандры усовершенствуем. Капитан, подозреваю, готовится вывести на разведку всех. А мне неинтересно остаться без экипажа.

За Сферой уже выл ветер, ветвились электрические разряды, разгорались и взрывались плазмоиды. Праздничный фейерверк в честь гостей, заметил Демьян. Темнота уже не абсолютная, и в светлых просветах можно рассмотреть какие-то изгибающиеся тени.

– А вот и крест, – торжествуя сказал Ефремов, энергично махнув платком, зажатым в правой руке, – Всё как надо. Как положено!

– Какой ещё крест? – не понял Эрвин.

«Не читал фэз романов Ефремова, – понял Нур, – А крест действительно просматривается. Контраст пока слабый. Надо добавить зрение Кеи и Ефремову. Больше участников не потянуть, моё внимание рассеется».

Фиргун проявил заинтересованность происходящим:

– А местность у вас густонаселённая. Хорошая местность. Маджарра, – так иногда мы называем нашу Галактику, – весьма изобильна всяческой жизнью. Я вам завидую, – впереди столько открытий!

Кея захлопала ладошками совсем по-земному:

– Ты и мне завидуешь? Как интересно! Мне ещё никто не завидовал.

Ефремов, открыто любясь переменной цветовой тонов на лице Кеи, предложил:

– А не отметить ли нам начало освоения обитаемой планеты Железной звезды приличным застольем? И предлагаю назвать негостеприимный, чёрный, электрический мир Дахмау. На одном из древних земных языков – Чёрная.

Оба предложения прошли единогласно.

После «застолья» Нур побеседовал с Кеей и пригласил Ефремова. Вид на планету зрением гайянина поразил Ивана Антоновича.

У подножия гор – обитаемая зона. То ли деревья, то ли супер-лианы поднимаются мощными лентами на много метров, соприкасаясь со скалами. На лентах-стволах гнездятся какие-то зверушки, над ними – горные птицы, не залетающие в долину. И – живое небо с множеством ориентиров: пятнами звёзд и ярким диском светила. Крестов и медуз не видно. Видно, гнездятся где-то в пещерах. Либо там, где равнина обрывается резким уступом. Далее – море. И какая мощная цветовая гамма! Краски яркие, насыщенные. Особенно поразила Нура и Ефремова способность Кеи регулировать восприятие – как широту диапазона, так и насыщенность.

– Эквалайзер! – восхищённо прошептал Ефремов.

Нур предоставил Ефремову полную свободу в личных действиях, увязав её с заботой об исследовательской группе. Сам же сосредоточил внимание на защите Кеи от непредвиденных случайностей.

Первый крупный успех – обнаружение Ефремовым скопления человеческих костей. находка поглотила его полностью. И экспедиция застряла между Анандой и подножием гор более чем на три часа.

– Здесь были люди! Причём люди разных рас, поверьте, – с усиленным заиканием говорил он, бережно поднимая обеими руками череп, – Смотрите, они распределены отдельными кучками. Кто их так сложил? Откуда они тут взялись? Я не верю, что на Дахмау есть своё человеческое общество. Такое невозможно. И что важно – они неземного типа! Внеземная цивилизация! Требуется системное изучение, а мне одному такое не под силу.

Он очень расстроился, подсвечивая фонарём то одну, то другую кучу костей.

– Это не захоронение. Не кладбище. Скелеты сюда сбрасывали. Либо тела обглодали местные хищники. Медузы, кресты, кто-то ещё менее представимый... Фауна – богатейшая. Соответственно, флора должна быть многообразной. Любопытнейшая планета! А ещё и океан. О-о...

Он застонал от бессилия – исследовательская страсть останется неудовлетворённой.

Посоветовавшись с Кеей, Нур, объявил о завершении рабочего дня. Они прошли от человеческих останков полпути до Ананды, как Нур затылком ощутил давление чуждой мысли. Пугающий простотой смысл... Прав Фиргун – здесь нет духовности. А нравственность – групповая, отрядная, только для своих. В отношениях с чужими правил нет. Разум Чёрной планеты приблизился.

Ефремов слишком увлечен находкой костей. Пришлось опеку над Кеей передать Эрвину с Демьяном. Нур остановился и повернулся кругом. Зрение гайянина – спасительный подарок. Он увидел их сразу и чётко: несколько чёрно-коричневых крестов лёгкими мелкими прыжками двигаются от обрыва, скрытого за световым коридором, по направлению к Сфере. Крест впереди самый крупный, не менее десяти метров в высоту. С багровым глазом в перекрестье. Давление на мозг идёт именно от него. Глаз-излучатель, глаз-мозг. Рядом крест чуть поменьше, за ними трёх и четырёхметровые. Вот кто оставил углубления в песке у Сферы прошлой ночью!

– Ц-целая семейка! – услышал Нур голос Ефремова и повернул голову.

Иван Антонович рядом, лица за прозрачным материалом шлема не разглядеть.

– Близится вечер. И перемена погоды, – сказал Нур, – Пора возвращаться, Иван Антонович. Подумаем, как их рассмотреть, завтра. Возможно, придётся переместить Ананду к обрыву.

И скомандовал:

– Народ, ускорить движение! Домой!

А поторопиться следовало. Вокруг крестов сосредоточились цветные плазмоиды числом не менее десятка, в отдалении – множество медуз. Над крестами вспыхивали и гасли языки пламени, множество огоньков образовывали странные контуры. Ясно – не одним электричеством питается это войско. И заряжено многими видами энергии.

Внутри Сферы, когда все сняли скафандры и привели себя в порядок, Ефремов не удержался и сделал интересный вывод:

– А ведь мы с Нуром наблюдали местный социум. Или карикатуру на него. Не знаю... Крест – Король, рядом с ним Королева. Маленькие кресты, скорее всего – их потомство. К нам приближается правящая семейка. Медузы – их приближённые. Слуги, придворные. Все прочие – челядь, народ.

– Комикс получается, – заметил Демьян.

И принялся разьяснять Кее смысл земного слова. Взрослый гайянин едва ли стал его слушать. На Гайяне нет искусства и литературы в земном понимании. Даже аналогов. Но Кея усваивает новое легко. Нур думал о предстоящем. Ночью, после погодного всплеска, кресты наверняка атакуют Ананду.

Но ночь прошла спокойно.

Спиралодиск

Брамфатура Эрланга запульсировала. Спящий фаэт явно реагирует на изменение внешних условий. Роух привёл экипаж в нужное место. Необходимо понять, какой из феноменов планеты Дахмау выделить в приоритет. Но решение придёт.

Нур посоветовался с Ефремовым. И Сфера опустилась в точку на пятьсот метров восточнее, оставив скопление человеческих костей позади. Иван Антонович «включил» гайянокское зрение и внимательно рассматривал жёлто-алый диск Железной звезды, окружённый багровым ореолом-кольцом. Солнце чёрного мира тонуло в тёмно-синем небе, украшенном редкими мутными пятнышками особо ярких звёзд.

– Я вспомнил, Иван, – сказал Нур, любуясь нечеловеческой гармонией небесных красок, – Имел я уже белую бороду, но без зелёной чалмы... Художник Геннадий Тищенко иллюстрировал твои книги. Изобразил он именно то, что мы с тобой сейчас видим. Почти точное совпадение. Я ему заметил, что такое видение возможно только при расширении оптического диапазона зрения. Он согласился, и сказал, что именно это имел в виду, когда рисовал Железную звезду в инфракрасном спектре. Вот его точные слова: «Разные частоты инфракрасного излучения отобразятся по-разному: более длинные волны будут видны как красные, оранжевые и жёлтые оттенки, а короткие, как голубые, синие и фиолетовые».

Иван Антонович удивился совпадению, но сказать ничего не успел. Помешал общий вздох. Утренний луч прожектора упёрся в вещь невиданную по форме и размеру. Ефремов, взволнованный до предела, с красным лицом, хрипло прошептал:

– Д-дисквидная с-спираль, р-рёбра н-на его п-поверхности оч-чень выпуклы...

Нур замер. Так и сказал, как написал в своей книге из прошлой жизни! Есть от чего взволноваться! Но «рёбер» отсюда не разглядеть, Иван Антонович видит то, что желает.

– Такая громада... Как они передвигаются в пространстве?

– Но, Иван, ты ведь в своих романах...

Ефремов не дал Нуру договорить:

– То были всего лишь предположения. Наука... Нуль-пространство, под-пространство... Чего только не накручено. А ведь где нет пространства, где нуль-пустота, там нет и протяжённости! Нет событий, никаких явлений!

– Отрицаешь самого себя, Иван? Но твоя фантастика, на мой взгляд, ближе к истине, чем твоя наука.

Ефремов раздвинул губы. Но улыбки не получилось. Спиралодиск, перенесённый сюда будто со страниц его романа, захватил все чувства.

– Я, как и прочие горе-фантасты, запутался в материи. Использовал слова, не понимая их значения. Мы не видели основы. И сейчас я мало что понимаю...

Нур немного удивился реакции Ивана Антоновича. Слишком он взволновался. Даже напрягся. Надо бы чем-то успокоить.

– Ты недооцениваешь себя, Иван. Я тебе говорил о художнике Тищенко. Он проиллюстрировал все твои вещи. И выпустил красочный альбом о человеке по имени Иван Ефремов. Тебе интересно?

Ефремов повернулся всем телом и спросил в полный голос, заставив поднять голову Фиргуна:

– Альбом? Художественный, с рисунками? Ещё бы не интересно! Подробнее можно?

– К сожалению..., – серьёзно сказал Нур, – Ничего более не скажу... Мне нельзя открыть то, что отстоит во времени дальше определённых дней. Связанных с записью собственных будущих воспоминаний.

– Ничего? Будущих? – Ефремов переключился на новую загадку, – Айл чего-то боится? Не верю!

– Да, боюсь, – улыбнулся ему Нур, – Боюсь исказить в альбоме что-нибудь. Он весьма хорош.

Группа разведки: Ефремов, Эрвин и Нур. Артефакт, когда-то названный писателем Спиралодиск, застыл у подножия уходящих к югу безлесных гор. Эрвин видит на его неровной поверхности хаотичную игру коричневых огоньков. Вооружённые зрением гаян Ефремов и Нур наблюдают частую, с ячейками размером в ладонь, сеть, наброшенную на громадное тело Спиралодиска. Огоньки-вспышки – узлы загадочной сети.

По прежнему Ефремову: «Огоньки загорались, на секунду образуя маленькую звёздочку с тёмно-зелёными лучами, гасли и опять появлялись».

Демьян предположил, что сеть – защитная структура, принадлежащая артефакту. Но нервное напряжение, вызванное резким давлением на затылок, заставило всех оглянуться. Те самые огоньки-звёздочки заполнили весь световой коридор. Но здесь они вели себя свободно, рисуя в воздухе причудливые узоры. Картина получалась примерно такая, какую в отдалённом прошлом представил себе Иван Антонович. Они выстраивались в длинные цветные цепочки, цепочки распадались на отрезки, свивались в кольца, копировали знак бесконечности. Игра эта приводила к искажению зрительного восприятия. Через минуту пристального наблюдения виделись светлые тени, напоминающие геометрические фигуры.

Только глаз гаянина способен различить за причудливой игрой огоньков их источник. На высоте от метра до полутора, сохраняя неподвижность, колыхались громадные плоские медузы со свисающей густой бахромой. В нитях бахромы выделялись щупальца, посредством которых медузы цепляли песок и могли передвигаться даже против ветра. Свечение тел говорило о концентрации в них громадного заряда энергии. А в целом скопление создавало суммарное поле, влияющее на сотни метров вокруг.

– Леда, что с коконом? – спросил Нур, оформляя догадку в рабочую гипотезу.

– Пульсация. Едва заметная. В остальном по-прежнему.

Леда скрывает волнение. Предвкушает близкие перемены... И Эрвина охватило напряжение. Длительное ожидание, в котором он с матерью находился, в безуспешных попытках отыскать ключ к брамфатуре, обострило чувствительность.

– А не вернуться ли нам на Корабль? – спросил он, ни к кому не обращаясь.

– Давайте вначале осмотрим эту громаду, – не согласился Ефремов. – Вдруг мы ошибаемся, и это вовсе не звездолёт, а природное образование? А затем займёмся медузами. Их сейчас возле Ананды набралось столько...

Эрвин согласился. И Леда не возразила. Нур вновь убедился в точности описаний, сделанных Ефремовым в романе «Туманность Андромеды». Действительно, кривизна поднимающейся перед ними стены говорит о диаметре не менее пятисот метров. Если корабль, то солидный. Изделие тех самых рук, которые теперь в кучах костей? Но как хочется, чтобы Ефремов оказался прав! А не просто фантазировал.

«Таинственный звездолёт навис над людьми отвесной стеной, уходящей далеко вверх и теряющейся в пятнистой тьме неба. Угольно-чёрные тучи клубились, скрывая верхнюю треть исполинского диска. Малахитово-зелёная масса покрывала корпус. Её сильно растрескавшийся слой был около метра толщины. В зиянии трещин выглядывал ярко-голубой металл, просвечивавший синим в местах, где стёрся малахитовый слой».

Зелени и синевы не наблюдалось. Возможно, виной тому звёздчатая сеть, произведение скопища медуз, обживших то ли инозвёздный корабль, то сооружение иных существ, до поры скрытых мраком планеты.

Песок рядом с тайной спёкся неизвестно когда, и напоминал описанный Ефремовым сплавленный камень, растёкшийся в стороны, словно густая смола. Предстояло отыскать вал-трубу спирали, да и шар-кабину управления где-то в чёрной высоте. Сверлить металл или камень, чтобы проникнуть внутрь, они не будут. Неосмотрительно, даже глупо. Да и сам Ефремов предложил возвращаться «домой». Причина – появление рядом с артефактом, в паре десятков метрах восточнее, знакомого Креста. Здесь он смотрелся особенно угрожающе.

– Точно такой же, какой атаковал нас на Облаке Оорта, – сдержанно, без эмоций, сказал Эрвин, – Но этот модернизирован...

Модернизацию увидели все трое, но чувственно подействовала она только на Ефремова. Контекст прошлой жизни сработал. На Кресте висел распятый человек. Именно так, как запечатлели в памяти распятие земляне-современники Ефремова и Валерия-Нура. Но в этот момент в висящей на гвоздях фигуре Ефремов опознал себя! И судорожно вздохнул.

Крест не шевелился. И своей обездвиженностью переворачивал в Ефремове ещё один пласт устойчивых знаний и убеждений.

– Да, вы, айлы, правы! – сказал он совершенно без заикания, – Всюду – один Закон. Следовательно, и его источник один. И даже там, где царствует Тьма. На самом деле правит Закон... Нужен откровенный разговор с Фиргуном. Чакрвартином...

– Откуда взялась Сфера, Нур? – негромко спросил Ефремов, остановившись в десятке шагов от Ананды, – Это не механическая конструкция, не звездолёт... Нечто живое и разумное... Иногда в каюте, когда один остаюсь, жутко делается. Кто удовлетворяет все наши потребности? И так, что ни грязи от меня, ни отходов?.. Вижу, испытываю – и сомневаюсь! Не понимаю!

Нур улыбнулся, собрался его успокоить, заверить – понимание придёт, никуда оно не денется... Перед ними, будто ниоткуда, вырос громадный крест, украшенный по центру багровым глазом. Нервную систему пронизал болезненный импульс, и словно все клеточки тела завибрировали. Нур усилием воли нейтрализовал атаку и повернулся к Ефремову. Тот застыл, словно статуя. Из памяти пришли фразы, запечатлённые в земном детстве.

«Что-то прошло сквозь его сознание, вызвало сокрушающую тоску в сердце, заставило подогнуть колени. Гордая воля человека сникла, заменившись тупой покорностью».

Так это ж свои переживания вложил Иван Антонович в Эрга Ноора! Никак не наоборот!

«Там, в воротах мрака, в клубах тумана, возникло движение формы, неизъяснимой для человеческого представления и тем более устрашающей. Это не была уже знакомая медузообразная тварь; в серой полутени двигался чёрный крест с широкими лопастями и выпуклым эллипсом посередине. На трёх концах креста виднелись линзы, отблескивавшие в свете прожектора, с трудом пробивавшего туман влажных испарений. Основание креста утопало во мраке неосвещённого углубления почвы».

Некоторые расхождения текста и реальности – не в счёт. В целом – всё так! Нур снял перчатки и поднял руки перед собой. От ладоней к кресту устремились два золотых шарика. Через мгновение крест рассыпался и обратился в горку чёрного праха, внутри которого ещё секунду-другую светил багровый глаз. Или сердце креста.

Ефремов снял шлем, перчаткой стряхнул со лба пот.

– М-мощный удар! – голос его прерывался, в глазах застыли слёзы, – Да, состояние моё как человека недостаточно качественное. Есть куда стремиться, есть...

«Тара Патха»

Удар креста разбудил и в Ефремове сверхчувствительность. В совокупности со зрением Кеи-Самайры, к которому он успел привыкнуть, новые качества позволили видеть за пределами светового коридора, слышать ранее недоступное.

– Нам повезло, – оптимистично заявил он перед очередным выходом на исследование Дахмау, – Мир этот на основе углерода. Если бы вместо него и кальция господствовал кремний, то кресты были бы лишь отчасти органическими. А вместо фосфора – мышьяк. Плюс обилие серной кислоты и окислов азота. И ни грамма кислорода и аммиака. В океанах плещется ядовитая жидкость, кругом мерзкий холод... Почти уверен, что на Сириусе нас ждёт именно такой мир. И по какому сценарию там развивается материя – не берусь и предположить.

Цель – предполагаемый спиралодиск. Но зрение Ивана Антоновича выхватило на другой стороне плато объект явно не природной формы. Даже издали его очертания не оставляли сомнений – звездолёт кого-то из тех, чьи останки покоятся недалеко.

До очередного атмосферного шторма несколько часов, и Нур решил присоединиться к тройке разведчиков.

– А что, если на этом плато – космодром? – предположил Демьян, – Кости принадлежат обитателям разных рас. Они прилетели из разных планет!

– Космодром? Скорее – ловушка для астронавтов, – мрачно сказал Эрвин.

Ефремов добавил:

– И вся Чёрная планета может служить естественным капканом для путешественников среди звёзд. Туманность скрывает её очень надёжно.

Он уверенно повёл группу к цели. Песок закрипел под рифлёными подошвами. Воздух в световом коридоре мерцает, указывая на близость медуз. Над головами тяжело чернеет невидимый небосвод. Ананда усилил мощность прожектора и слегка сдвинул направление луча.

Совсем рядом поднялась почти отвесная скальная громада, расчерченная зигзагами трещин. Люди впервые увидели вблизи образцы местной флоры, протянувшейся полосой вдоль серой стены. И опять совпадение с текстом! Какая странная геометрия: сочетание плавных линий и подобий механических частей земных механизмов.

На стволах толщиной в руку, уходящих в недостижимую глазу высоту – мощные стебли, расположенные «звёздочкой», как ветви у яблонь. Стебли-ветви заканчиваются чёрными, параболической формы чашами, зазубренными по краям. Да, термин «шестерни» сюда к месту! Кроме шестерён, Нур обнаружил висящие на листьях гладкие зеркала-многогранники.

Полоса растений ровной трёхметровой полосой уходит вправо-влево, окаймляя подножие горного массива. Но в одном месте, почти рядом с группой разведчиков, растения образовали выступающий на песчаное плато своеобразный оазис. Сквозь стволы, листья и геометрически правильные цветы проглядывает искусственная конструкция. Её металлическая на вид поверхность отсверкивает мутной зеленью, мерцает багровыми огоньками. Где-то там, у каменной стены или в её расщелинах прячутся медузы, выдавая присутствие насыщенным электромагнитным полем. Да, без корабельных скафандров здесь не выжить.

Ефремов решительно шагнул вперёд и раздвинул руками два ствола, со стеблями на уровне его роста. Открылся метровый кусок поверхности неведомого аппарата, высотой со средний Нижне-Румский двухэтажный дом, диаметром около двадцати метров. Далеко не гигантский спиралодиск, но всё равно внушительно. Всё-таки звездолёт! Ефремов с лёгким нажимом провёл перчаткой по открытой поверхности. Металл проявил собственный цвет – светлую зелень.

Демьян успел погрузиться в тему не менее глубоко, чем Нур. И, наверняка улыбаясь, спросил:

– Иван Антонович! Хотите знать, как называется этот металл?

– Ну? – нетерпеливо отреагировал Ефремов, отклоняя в сторону ствол за стволом.

– Боразон! Боразон, Иван Антонович!

Он произнёс слово, которое Ефремов успел повторить про себя наверняка десяток раз. Эрвин с Демьяном пришли ему на помощь. Через полчаса солидный кусок нижней части звездолёта освободился то ли от деревьев, то ли от кустов. И произошло одновременное шоковое узнавание.

– Вимана! – хором произнесли трое.

Нур, определив себе задачу обеспечения безопасности, мысленно согласился. Но Ефремову этого оказалось мало. Силой он, пожалуй, превосходил обоих: землянина и фаэта. Плюс вспыхнувший энтузиазм. Стволы чёрных деревьев сгибались, трещали, но не ломались. Один за другим они ложились на песок, освобождая древнейший летательный аппарат землян. Живуча флора на Дахмау – ни один листок, цветок либо плод не оторвались от питающих стволов.

Корабль выглядел совершенно целым. Оставалось обнаружить вход.

Остановился Ефремов от работы в момент, когда открылась надпись чуть выше его роста, состоящая из неизвестных Нуру значков. Группа замерла. Перед ними – лицо корабля. Где-то тут входная дверь. Или люк.

– Тара-Патха, – теряя привычную невозмутимость, сказал Эрвин, – Язык древний. Им пользовались и фаэты, и земляне. «Небесная Колесница»... Можно перевести и как «Звёздный Парус».

– Что известно о том времени? О конструкции и возможностях Небесных Колесниц? – спросил Нур, надеясь из совокупного знания троих составить ясную картину. Его собственные знания о допотопном прошлом той Земли весьма скудны.

Демьян на правах лидера эрудитов ответил первым:

– Летающие Колесницы, если судить по доступным данным, имели массу возможностей. Сказочные! Они могли уменьшаться и увеличиваться, менять форму. Причём – во время полёта. Вращались вокруг своей оси и становились невидимыми. Маскировались под что угодно – облако, кусок темноты, сгусток сияния... Двигались в космосе, воздухе и воде, позволяли видеть и слышать на сверхдальнем расстоянии. А этот боразон не берёт никакая кислота. Волшебный аппарат. Но зачем он нам, если есть Ананда?

– Ананда сегодня есть, а завтра... Слишком он самостоятелен, – с оттенком неприязни сказал Ефремов, – Как появился, так может и исчезнуть. Неплохо бы освоить систему управления «Звёздным Парусом».

– Да-а..., – предложил Демьян, – Надеюсь, в этом аппарате имеется антигравитационный двигатель. Независимость от ограничения скоростью света... Они умели брать энергию из разных источников. Из ртути, излучения звёзд... Наследие ценное, на Земле утеряно. Как на нашей, так и на вашей, Иван Антонович.

Ефремов усмехнулся:

– На нашей оно то ли было, то ли нет. Всё так перепуталось. Но попытки сделать сказку былью я помню. За две тысячи с лишним лет до меня в Индии император Ашока основал «Тайное общество девяти незнакомцев». Он собрал лучших учёных и они в тайне написали девять книг. Одна из них называлась «Секрет гравитации». Видимо, – при условии достоверности этих данных, – они нашли древние рукописи. Или же обнаружили вот такую машину...

Он погладил корпус аппарата, не заметив, как коснулся сенсора входного люка. А продолжил диалог Демьян:

– А в нашем общем Тибете нашли документ на древнем языке, родственном тому, на котором написано имя этого корабля. А в нём – руководство по строительству звездолётов с гравитационным двигателем. Что особенно интересно – а я только сейчас это начинаю понимать – сила движения берётся из человеческой психики. Можно летать в космосе без всяких... Но, думаю, до Сферы-Ананды им всем, виманам, далеко. Виманы, кстати, делались разных форм. Там отмечена и такая – диск с куполом в центре. Иван Антонович, вы нашли именно такую машину, точно!

Эрвин рассмеялся, чем удивил всех. Обычно он ярких человеческих эмоций не проявлял. И заговорил с открытой иронией:

– Первые поколения фаэтов и создали виманы, о которых вы говорите. И в период сотрудничества с землянами поделились с ними секретами технологий. Но признаю, совершенства Корабля-Сферы мы не достигли. Экипажи вынуждены были заботиться о пополнении запасов продовольствия. А кормиться им положено пятикратно, три раза днём и два раза вечером. Мы на Сфере независимы от многих материальных процессов. И питаемся как древние йоги – столько раз, сколько хочется. Но мой отец знает о секретах виман всё необходимое.

Ефремов оторвал руку от поверхности аппарата и группа потеряла речь. «Стучащему – откроется» – вспомнил Нур. Молодец Иван Антонович, продолжает те линии в своей судьбе, которые и сделали его тем, кто он есть.

Вимана слегка засветилась всей поверхностью. Обозначился овальный контур входа, украшенный известным всем знаком – трилистником. Сомнений не осталось – аппарат, захваченный Дахмау, принадлежал фаэтам. Но экипаж мог состоять из землян. Либо и из представителей иных рас, ведь в те времена дальние миры были в зоне доступности.

«Все они использовали определённые законы движения вещества и энергии, – продолжал размышлять Нур. – Нашли альтернативу ракетной технике. Но не знали, что по сути в мире нет отдельных аксиом, нет самостоятельных законов химии или физики. А действует Один Универсальный Закон. И понимание его освобождает человека от материальной зависимости. Тогда-то и появляется возможность путешествий на Сфере-Ананде, предложенной Роух. Но ведь и она, Сфера, не предел дозволенного. Да, айлы идут по этому пути, и важно не сойти с него. Испытания будут, среди них и вимана фаэтов. Но будем практичны!».

– Иван Антонович! Ваше право – первое, – сказал он, наблюдая, как без шума открывается овал-вход в виману.

Внутри – достаточно яркий, но не бьющий по глазам свет. И просторно, словно включено дополнительное измерение Шамбалы-Цитадели.

– А ведь мы на первом этаже. Над нами – ещё два, – заключил радостно Ефремов, – И рубка управления – сверху, под куполом. Так, Эрвин?

Эрвин ничего не сказал, но кивком выразил согласие. Ему, прямому наследнику хозяев этого древнего чуда, не дали первым войти в него!

Центр первого этажа пуст, но по окружности расположены непонятные устройства и механизмы, связанные трубами и подобием электропроводов с верхними этажами.

Эрвин, стараясь не смотреть на Ефремова, заговорил:

– По замыслу создателей, здесь зона отдыха. Мебель, растения... А переплетение этих труб и приводов называется янтрами. На Тара-Патхе были земляне. Они не могли управлять виманой непосредственно, силой мысли. Не хватало психоэнергии или ещё чего-то. Вот и придумали опосредующие янтры, весьма отдалённо воспроизводящие наши мандалы.

«Вот! Он провёл чёткую грань между фаэтами и землянами, то есть людьми низшего ранга. Себя он землянином не считает. Гордыня или реальность?».

Нур потерял интерес к вимане. Прохоров и Ефремов не отреагировали на слова Эрвина. Демьян, по-видимому, привык к таким выпадам, особенно со стороны женщин-фаэтянок. А Ефремов слишком увлечён находкой, ему не до таких мелочей. Фаэтам он, похоже, уже не брат. Да... И возможен ли тесный, искренний союз между разными человеческими расами-цивилизациями? Треугольник Земля—Гайяна—Ила-Аджала – эфемерная мечта?

Трёхъярусная Трипура-Вимана... Аппарат, не зависящий от внешней энергии в виде полуфабриката-топлива. Для каботажных полётов здесь использовали ртутный двигатель. А для дальних – гравиполе и энергия звёзд.

По винтовой лестнице Нур поднялся в рубку, оставив на втором этаже Демьяна с Эрвином, занявшихся проверкой состояния янтр. Ефремов поднялся с ним и застыл рядом в полной неподвижности. Проследив его взгляд, Нур понял. Поразила Ефремова не сама технология виманы и возможность управлять ею мысленным интерфейсом. А всего лишь светящаяся золотом надпись на фризе, отделяющем полупрозрачный купол от стен рубки.

Почувствовав внимание, Ефремов с дрожью в голосе сказал:

– Эти слова я переведу с любого языка. А тут – всего лишь санскрит. Он не так древен, как язык, использованный снаружи. Здесь написано:

ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ.

– О, моё сокровище в цветке лотоса! – озвучил надпись Нур и встретил восхищённый взгляд Ефремова.

– Какие были люди, Капитан! Но куда они делись? Команда тут должна быть солидная, человек двадцать. Выходит, всё это было... И потоп, и...

И, опустив голову, сказал с грустью:

– Но как же мы, люди, так низко скатились? С таких вершин к такому примитивизму! Земля...

Нур, сочувствуя ему, размышлял о месте фаэтов в истории Земли. И существовали ли они на самом деле? Психоконии из чужого сна... Но нет, внутри Сферы – саркофаг. А в нём брамфатура. Человек-фаэт, сам себя заключивший в защитный кокон. Фаэты реальность. Но, судя по Эрвину, из своих ошибок уроков они не извлекают.

– Иван, я тебе сейчас выдам красивую цитату. Из статьи твоего поклонника-землянина, жившего после тебя. Анализ твоих книг позволил ему продвинуться достаточно далеко в понимании. Без тебя у него и этого бы не вышло. Он путается во многом, но земное человечество, катящееся на обеих Землях в известное нам состояние, он постиг. Ты не против? Пригодится ведь в новом деле...

Ефремов не возразил. Любопытство относительно происходящего на покинутой Земле не покидало его.

«Но технические проблемы являются далеко не самыми главными: в 1945 году никто и не думал, что в разрушенной дотла войной стране через 12 лет в Космос полетит первый спутник, а через 16 – Юрий Гагарин! Направленность психической энергии, морально-волевые качества, экзальтация воли, стремление в даль, в глубину, за пределы видимого и известного к Тайне, к Непознанному, к Трансцендентному, если угодно к Богу часто более важны, чем уровень науки и технологии, материальные ресурсы! А вот с этим на планете Земля нынче откровенно плохо! Человечество безнадежно погрязло в своих страстях и вожделениях, в проблемах, которые само же и создаёт. Даже малореальные пока планы освоения Луны и Марса уже сопровождаются шизоидными рассуждениями о том, как Америка, Россия, Европа и Китай разделят между собой Солнечную систему «на рынки сбыта и сферы влияния». Словом, ещё

ничего не сделано, и неизвестно, будет ли сделано, но уже что-то делают, хотя Юрий Гагарин утверждал, что в Космосе не должно быть границ и люди должны объединиться в своём стремлении туда.

Современную цивилизацию почти не интересует Неизведанное и окружающий огромный мир. Вместо них – забавы и «виртуальность», заменившие объективную реальность, когда вымышленная жизнь вытесняет настоящую, когда иметь и казаться – намного важнее, чем быть. Чего стоит, например, дурацкое «фэнтези» типа нашумевших «Звёздных войн» некоего Лукаса. Ефремов тоже фантазировал, но его фантастика прочно стоит на объективных данных и попытках предугадать неизвестное хотя бы на основе имеющихся знаний».

Александр Карпец.

Фиргун прохаживался внутри Лампы, то и дело потирая руки. И постреливая хитрым взглядом то на одного, то на другого. Нур повеселел. Фиргун решил испытать «народ» очередной вводной?

– Наш фаэт прямо светится величием. Ох уж, эта золотая молодёжь! Эрвин, а ты ведь всего лишь пассажир. Как и я. Даже не помощник Капитана.

Нур уловил нотку то ли сожаления, то ли печали, излучённую Ледой. Человеческую, чисто эмоциональную нотку. Фаэтянки на такое неспособны. Да, она поняла, о чём скажет Чакравартин. Да, именно хозяин Ядра Галактики, а не маленький волшебник из сказочной Лампы. Фиргун день ото дня становится всё более откровенным. Только бы не стал демонстрировать свою мощь, острых впечатлений и без того предостаточно.

– Эрвин! И вы, гордые потомки мертвецов! Хотите, я проведу экскурсию в мир ваших бактерий? Ваших, да. У нас их нет.

– Зачем? – удивился Демьян, – На них и в микроскоп смотреть страшно. А уж рядом... Нет, не для меня.

– Зачем? – повторил вопрос Фиргун и сразу ответил, – Чтобы вы увидели – они не менее разумны, чем люди. И при этом превосходят вас всем. И суммарной биомассой, и умением приспособиться к любым условиям жизни, и количеством видов, и... А вы, люди, зависите от них практически во всём. Ты не согласен со мной, потомок гордых фаэтов?

Он протянул указательный палец в сторону Эрвина. Эрвин покачался, как от сильного удара в грудь. А Фиргун, опустив руку, улыбнулся и продолжил атаку:

– Не хотите стать маленькими да беспомощными рядом с теми, которых считаете почти ничем... Может быть, у тебя, золотой мальчик, смысл жизни личной превосходит смыслы здесь присутствующих и отсутствующих?

Эрвин занял самое отдалённое кресло, опустил глаза. Мелкие мышцы челюстей напрялись.

– В таком случае, принуждать не буду. А мог бы... Проведите мысленный опыт. Смените фокус зрения. Посмотрите на себя с иной высоты, с иного расстояния. Ведь те же бактерии! Но вопрос – кому от вас польза? Вы и себе-то помочь не в силах. И не запоминаете ни уроков, ни ошибок. Впрочем, делайте, что хотите! Какое мне дело до вас до всех?

И Фиргун, выхватив из-под подушки книжку, улёгся на кушетку и углубился в чтение. «Хитрый Дедушка становится всё прямее. Не удовлетворяет его скорость наших внутренних перемен. Возможно, он здесь в качестве катализатора. А кем он был на Иле-Аджале?».

А Ефремов вдруг рассмеялся. И так оглушительно, что закачалось пламя свечи внутри Лампы, и Фиргун отложил книжку.

– А сила не в массе, Чакравартин! Сила в крепости духа. Где ты, уважаемый Фиргун, видел дух в бактериях?

И Фиргун совершил ранее невообразимое. Поставил свечу на ладонку и высунул руку за пределы Лампы. И вот, из ниоткуда взявшаяся могучая рука держит жаркое пламя перед лицом Ефремова. А голос звучит как оперный бас:

– Ты научился говорить как человек, Иван! Я рад. И горжусь братством с тобой.

Рука с пламенем исчезла, свеча потухла и в лампе наступила ночь. Чакравартин пропал в своём измерении. К Ефремову подошла Кея и протянула платок, с вышитой по кайме змеей. Он промокнул влажный лоб и тихо сказал:

– Спасибо... Здорово получилось, да?

Кея улыбнулась ему:

– Ещё как здорово! Ты заставил его высунуться. Он такой огромный! И добрый...

А Ефремов, усадив её в кресло и заняв соседнее, сказал негромко, глядя ей в лицо, комкая в кулаке платочек:

– А я вот о чём подумал, – он оглядел всех, чуть задержав взгляд на Нуре, – Они тут все в заговоре. Они нарочно попали в плен Железной звезды. Из-за нас с тобой...

– Из-за нас? – удивилась Кея, сопроводив удивление обилием красного на лице, – Мы с тобой в чём-то виноваты?

– Нет, мы не виноваты. Просто мы с тобой тут самые маленькие. Они играют с нами. Испытывают-проверяют.

Кея соскочила с кресла, встала перед Ефремовым и принялась обмахивать его лицо вдруг явившимся из ниоткуда веером.

– Ой как интересно! Мы внутри большой игры. Сюда бы хороший кристалл, и посмотреть из него. На Гайяне есть кристаллы, из которых видна планета Земля. Ты знал?

«И я не знал, – признался себе Нур, – Следовательно, те кристаллы под контролем Поля. Вэльв к ним доступа не имеет. Богата планета Гайяна, но нет у неё настоящего хозяина».

– Нет, не знал. Я не знаю в миллиард раз больше, чем знаю.

И Нур невольно зафиксировал мысль Ефремова:

«Этот Корабль неуязвим. Эта звезда вместе с Туманностью для него ничто. Не всё понятно. Да, я ребёнок в сравнении с Фиргуном. А с айлами и рядом стоять недостойн. И почему Нур выбрал меня? На Земле столько достойнейших. И ведь не магия! И не сон, определён!».

Атака Дахмау

Мир скрыт за пределами чувственного восприятия. У каждого свои пределы достоверности. Так сказал Ефремов в ответ на вопрос Нура:

– Как думаешь, людям Земли что-то прибавит близость с Гайяной? Ведь твоё видение стало намного просторнее.

Беседа двоих в каюте обрела неожиданную откровенность.

– Я ещё очень и очень земной. Можно сказать – приземлённый, – говорил Ефремов, не торопя слова, поглаживая крупной ладонью поперечную складку на лбу, – Мои воспоминания здесь никому не интересны. И Аллан, сын мой... Как он без меня, что с ним? И мысли о Таисии не оставляют. Я понимаю, что если б ты меня не забрал, меня там уже не было б. Ничего бы не изменилось. Мой уход сюда не искривил ничью линию судьбы. Всё в моём бывшем окружении идёт естественным путём.

«Первое откровение... О скрытой боли, о непрерывных переживаниях... Прошлое потеряно, будущее не определено, настоящее зыбко и неустойчиво. Ему тяжелее многократно, чем любому в экипаже. И – одиночество! Он привык к тому, что рядом всегда близкий, драгоценный человек. И лучше, если это человек – женщина. Плюс отсутствие социума, в котором он играет не последнюю роль. Это правильно, человек разумный стремится к полному самовыражению. Надо дать ему высказать всё, что накопилось. И боль, и тоску... И выслушать вопросы...».

Нур молчал, стараясь и движением не нарушить сложившееся взаимодоверие. Ефремов бросил на него быстрый взгляд и продолжил:

– Вся моя система ценностей накрылась медным тазом! Кресты эти... Парализаторы... Медузы, плазмиды... Что ещё скрывается во Тьме? Точнее, кто? Уверен, все они не просто живые существа. Особо – кресты! Возникает столько аналогий с Землей... Такое ощущение, что у тех и других, разделённых световыми годами, один хозяин. Чувство вызывают одно. Здесь правит чужой разум, Нур. И ты это понимаешь лучше меня. Кресты тут потому, что в экипаже я и Демьян. К фазтам они отношения не имеют. Такой вот Пси-фактор!

Экипаж решил посвятить день знакомству с виманой «Звёздный Парус» в полном составе. Ефремов после ночной беседы просветлел лицом, стал энергичнее и собраннее.

– Начальник экспедиции по-прежнему Иван Антонович, – полувопросом сказал Нур, – Капитан я только на Корабле.

О, этот взгляд! Блеснул и спрятался лидер по призванию. Без лидерства нет Ефремова! Без таких людей невозможно делать серьёзные дела. И что-то крупное для него впереди подготовлено.

Мир плато двое суток пребывает в спокойствии. За его пределами крутятся вихри, бушуют ураганы и штормы, над горами бесчинствуют песчано-пылевые бури, плавают песок и камень электрические разряды, неистовствуют и воют неведомые аборигены. Продолжается борьба за жизнь среди обитателей мрака. Хищников тут хватает. Кто-то ведь обглодал человеческие тела недалеко от виманы.

– Температура в норме, электромагнитное состояние атмосферы спокойное. Самое время для прогулки, – доложил Ананда.

– Затишье перед бурей, – проворчал Демьян. С настроением у него с утра не очень. Видно, кошмар приснился.

Он поднял фонарь и направил луч на горную вершину за виманой. И вывел в видимость серый смерч, скрученный из пыли и снега, уткнувшийся воронкой в пятнистую облачную пелену, заменяющую на Дахмау небосвод.

Кея держалась поближе к Ефремову. Гайянка доверяет землянину больше, чем айлу! Нур засомневался в отсутствии здесь далёкого Поля-Ноосферы планеты кристаллов. Теперь придётся в первую очередь смотреть за Кеей, она юная и беспомощная. Это со стороны хорошо видно. Если Ефремов убеждён, что у местных чудищ есть разум, то так оно и есть.

Но и где-то тут – ключ к оживлению Эрланга. Нур пока не понимает, что это будет. Энергия – понятно. Но энергия не просто природная, а живая. Пропитанная чуждой психикой. Враждебность – понятие одностороннее. При иных условиях с теми же медузами возможно наладить дружественный контакт. Но задача экипажа – не поиск общего языка. А в чём она, если не считать проблемы брамфатуры? Не обо всём можно и нужно спрашивать Роух.

«Ты – это я, я – это ты...»

Нур недоволен собой: столько нерешённого накопилось! И дело не в непредсказуемости завтрашнего дня. Достижение согласия в экипаже – разве не решаемое дело? А не получается, и подходов к тому не видать. И Азхара где-то внутри себя скучает. Снится ей родной Ард... Сандр с Фреей и оперативный отряд делают работу наиважнейшую. А Нур – на экскурсии межзвёздной, при абсолютной вере в то, что успешно пройдёт все предстоящие испытания. Тем временем на Иле-Аджале неизвестные факторы усиливают действие...

Они брели от Сферы к вимане. Недалеко, и световой коридор надёжен. Чёрный песок противно скрипит. Вспоминается мягкий, поющий и искрящийся песочек на берегах гайянских морей. На чём гайяне ходят по океану? Есть ли у них суда под парусами? Не успели узнать... Расспрашивать Кею неудобно.

Ефремов впереди, идёт уверенно, но не торопится. Рядом с ним, слева, Кея. Остальные компактной группой позади, в нескольких шагах. До «Звёздного Паруса» оставался десяток метров – Нур заметил сгущение багровых огоньков. Выплыв из зарослей чёрных деревьев-кустов, оно медленно двигалось навстречу, игнорируя свет. Огоньки быстро множатся, сливаются. За секунду-другую образовалось знакомое уже тело, начинённое электричеством и ещё неизвестно чем. Медуза, и какая крупная!

Нур расслабил организм, привёл психику в боевую готовность. Вот, ещё долгая секунда – и медуза, вобрав в плоское ромбическое тело свисающие щупальца, обратилась в серый крест, моментально почерневший. Крест обзавёлся загнутыми концами, превратившись в свастику. Причём в левую, женскую её ипостась-вариант.

В перекрестье загорелось багровое энергетическое сердце и свастика медленно закрутилась против часовой стрелки. Как в детской земной задачке: там такая же свастика, составленная из полых труб, крутится под давлением воды, входящей в трубы через центр-перекрестье. Перед учеником ставится «хитрый» вопрос – в какую сторону и с какой скоростью завертится трубная конструкция?

Из багрового центра свастики-креста вырвалась ярко-алая струя, заставив сморщиться черные стебли, закрывшие ближнюю часть виманы сплошным ковром. Нур летел навстречу живой конструкции, поняв, что цель её – Кея. Он успевал принять удар-разряд на себя и нейтрализовать его. Но в полёте удивился: как так быстро среагировал Ефремов? Конечно, он ближе на три метра, но принять верное решение и сделать бросок – на всё отводилась секунда!

Левый кулак Ефремова ударил в центр свастики, в сам реактивный живой двигатель. Рука вошла в багровое сердце по предплечью. Правой Иван Антонович схватил крест за верхнюю перекладину-конечность и резким усилием попытался её сломать.

Но крест, рождённый из медузы, и не думал сопротивляться. А поступил нелогично – обхватил тело Ефремова так, что загнутые концы сомкнулись на его спине.

Скомандовав группе укрыться в вимане, Нур на финише полёта подхватил правой рукой обмякшее тело Ефремова. Из левой ладони вырвался тонкий золотой луч. Стараясь не задеть скафандр, Нур срезал пульсирующее сердце медузы-креста, и страшилище рассыпалось частичками праха. Но от багрового сердца осталась на песке не уничтоженная часть – подобие чёрного алмаза, хранящегося в Ананде.

Нур поднял бесчувственное тело Ефремова, перенёс ко входу в виману и попросил освободить его от скафандра. Тут же появился Эрвин, мягко обошёл Нура и очень ловко справился с молниями, кнопками, застёжками. Словно всю жизнь только этим и занимался.

«Вот оно, преимущество рациональности перед чувствительностью! – заметил Нур, – Недостатков у нас нет, одни достоинства, которых мы не понимаем или не принимаем. Взаимодополнение – в этом сила единства разных рас».

Внутри «Звёздного Паруса» гуляет запах гари. Остаточное электричество от схватки рядом на плато? Демьян осмотрел первый этаж и обеспокоенно сказал:

– Шарахнуло по какой-то янтре. В тот момент, когда открылся люк. Там, в атмосфере, сейчас такое напряжение!

Нур освободился от скафандра, с интересом рассмотрел прожжённую собственной энергией перчатку. Жаль, в вимане её не восстановить. Подержав в пальцах чёрный, с отполированными гранями кристалл, оставшийся от креста, спросил:

– Что это может быть? Всё, что осталось от чудища.

Кея, присевшая рядом с Ефремовым, протянула руку:

– Я посмотрю. Я умею заглядывать внутрь кристаллов.

В центре первого этажа суммарным желанием Азхары и Нура воздвигся диван, на который перенесли Ефремова. Азхара предложила:

– Здесь предлагаю устроить гостиную, столовую, зал заседаний... Каюты-комнаты – на втором этаже. Они уже есть. А здесь добавим мебели.

– Правильно, – согласился Демьян, не удивляясь чародейству айлов, – Придётся тут задержаться. Ананда близко, но путь опасен. Эти кресты бросаются на людей, как дикие коты на мышей. Как я понял, восстановление Ефремова – дело айлов? Он получил скорее психический, нежели энергетический удар. Так?

– Ты верно понял, Демьян, – сказал Нур и посмотрел на Азхару.

Дальше всё было, как сказал позже Ефремов, делом техники. Нур сел на диван у головы Ефремова, Азхара у ног. Ауры их соединились, осветив радужным сиянием всё помещение. Затем радуга сконцентрировалась над диваном и замерцала. На сеанс понадобилось меньше минуты.

Ефремов дрогнул всем телом, открыл глаза и прошептал:

– Я ещё живой?

Нур улыбнулся:

– Живой, Иван Антонович. И не во сне. Как самочувствие?

– Как после боя сразу с двумя чемпионами мира по боксу в тяжёлом весе.

– Ничего. Попью эликсирчику, и пройдёт. Да и... Как авторитетно сказано: «Смерть страшна и заставляет цепляться за жизнь лишь тогда, когда жизнь прошла в бесплодном и тоскливом ожидании непрожитых радостей».

– Заметь, это не я сказал, – шёпотом отреагировал Ефремов, – А Эвда Наль, одна из руководителей Академии Гора и Радости.

Эрвин по-новому, впервые так пристально, посмотрел в глаза Нуру. И сказал совсем не о том, о чём думал:

– Как говорят на Земле, от чего заболел, тем и лечись. Удар этот похож на тот, который нанесён отцу. Только на порядок слабее. И какой-то компоненты не хватает.

В золотых глазах застыл вопрос. И Нуру вдруг стало ясно, как будет воскрешён Эрланг. Аналогия Эрвина более чем уместна. И Ефремова, и вождя фаэтов поразило нечто, действующее на нервную систему. Энергия, скооперированная с психической. Кресты-медузы Дахмау несомненно разумны и обладают мощным психическим полем. Но нужен предваряющий опыт.

Леда, внимательно выслушав обоих, сделала свой вывод:

– Придётся нам здесь задержаться. И ходить за чаем к Ананде. Как мы обеспечим безопасность?

Нур, отпустив потеплевшую руку Ефремова, весело ответил:

– Будет нам чай. Всё будет. Как на Ананде.

Он сделал ещё открытие. Удар, принятый Ефремовым и коснувшийся его самого, произвёл неожиданные перемены. Пришло то, чего не было – полная уверенность в своих и Азхары возможностях, уверенная вера.

– Будет чай... С печеньками, ватрушками, пампушками, оладушками. Мы с Азхарой всё организуем. И медовый напиток Глафия для Ивана Антоновича найдётся.

Отдых в обеспеченной комфортом вимане продолжился до утра. После чаепития Нур обратился к Эрвину и Леде:

– Пора решать задачу пребывания на Дахмау. Брамфатура Эрланга торопит... Как считаете вы?

Фаэт посмотрел на мать, она только кивнула. И сказал, не в силах сохранить обычную «каменность», с лёгкой дрожью в голосе:

– Без тебя с Азхарой мы не справимся. И делать это надо в Ананде. Я доверяю «Звёздному Парусу», но не настолько. Да и... Модернизирован он чересчур. Янтры ненадёжны.

Обвинения в адрес модернистов-землян не прозвучало. Прогресс. И Нур сказал:

– Мы с Азхарой разделяем вашу осторожность. Ночью мы обнаружили ёмкость. Не надо ничего изобретать. Похоже на ванну из боразона, длина и объём подходящие для имитации саркофага. Крышку делать не будем. Твоя задача – психокония человека. Свою сделай, это лучше. Проведём эксперимент здесь. Думаю, энергии двух медуз для Эрланга хватит.

Полупрозрачный корпус виманы позволял видеть ближнее внешнее пространство в оптическом диапазоне. Ефремов с Кеей наблюдали за пределами оптики. Эрвин и Нур облачились в скафандры. Нур отключил у себя гайянское зрение, чтобы уравнивать как-то свои возможности с эрвиновскими. Достаточно будет связи с Кеей. Требовалось вынести ванну наружу и вернуть её в нужный момент.

И в очередной раз Нур признал: происшедшее почти точно совпало с описанием в романе Ефремова.

Медузы... Они появились через минуту. Что можно объяснить близостью горных расщелин и обильной растительности. У Ананды придётся подождать.

Вот и первая.

«Чудовище растопырило щупальца – вспышки звёздчатых огоньков замелькали с неуловимой быстротой, превращаясь в полосы вибрирующего тёмно-красного света, которые засверкали зелёными молниями».

После скопления и игры огней рядом явилась вторая.

Хорошо сработал Эрвин – психокопию не отличить от фазета! Полная достоверность. Обе медузы учуяли-опознали жертву.

«Первое отодвинулось, тогда второе мгновенно свернулось в ком и упало на дно саркофага. Первое – за ним. Удивительно, как они могли так уменьшить свой видимый объём».

Из виманы происходящее видится хорошо. Удивительно – медузы, забравшиеся в подолбию саркофага, словно исчезли. А психокопия Эрвина теряет человеческое подобие. Всё больше прозрачности, деформируются формы. Лицо на глазах покрывается морщинами, голова усыхает, на месте золотых глаз – жуткие чёрные впадины.

Эрвин бросил взгляд на Нура. Тот кивнул. Дверь открылась, они выскочили на песок, огляделись. И резким движением передвинули саркофаг к вимане. Отошли ближе к люку, наблюдая за превращениями психокопии. И вот – её как бы и нет. А на дне – пусто.

– И куда они делись? – не скрыл недоумения Нур.

– Никуда, – ответила Кея, – Вы смотреть не умеете. А они смотрят на вас. Лучше бы вы вернулись. Пока...

– Итак, они умеют переходить из одного энергоуровня в другой, менять спектр проявления в широком диапазоне, – подвёл итог Нур, присев на диван рядом с Ефремовым, – Едят всё подряд. Сожрали психокопию, и не подавились.

Эрвин добавил, осторожно устроившись рядом с Нуром:

– Придётся увеличить запас страховочной энергии. Захлопнем крышку саркофага, перенесем внутрь Сферы. Брамфатуру с Эрлангом Леда с Кеей переместят ближе к выходу. Остальное пространство Сферы надо заэкранировать. Я что-то умею, но понадобится помощь Ананды.

Сценарий оживления Эрланга в общих чертах созрел. Предстояло обдумать детали, рассчитать во времени все действия, согласовать их.

А мысль Ефремова, освобождённая электрошоком от неуверенности и сомнений, пыталась проникнуть в тайны чуждого мира. Он расслабленно откинулся на подушки, держа обеими руками чашу с медовым напитком. Чаша в его громадных ладонях казалась игрушечной. И говорил он совсем без заикания, негромко и спокойно:

– ...медузы, кресты... По-моему, разные стадии или формы существования одного существа. А состоят они не из органов, как мы, а из клеточек-«огоньков». Огоньки-микроплазмиды в совокупности и есть единое, как бы растворённое в воздухе безразмерное существо, контролирующее определённый кусок пространства. В нашем случае плато меж гор. Космодром или капкан... Нет, я далёк от того, чтобы предположить бытие одного супер-организма, занимающего всю поверхность планеты. Он бы тогда уже воплотился в нечто более громадное, чем трёхмерный крест с распятием. А что касается форм, – медуза или крест, – они как-то связаны с психикой пришельцев. Они считывают информацию из нашего мозга. Может быть, и моего, я здесь самый слабый, несовершенный. И они были во мне до...

– Не журишь, Иван, – успокоил его Демьян, – На твоей Земле в древности бродили дикие ящеры. Один из видов называли ивантозаврами. В твою честь! Но как хорошо, что их здесь не оказалось, так ведь?

Ефремов посмотрел на него с удивлением и рассмеялся.

– А ещё на этом плато нет памятника вождю, – сказал он, продолжая смеяться, – И что интересно, никто мне не предложит поставить его здесь!

– Но ведь и премии не получишь! – добавил Демьян и тоже засмеялся.

– Но всё же я побывал в Сингапуре! – завершил беседу Ефремов, промокнув платочком слёзы расслабляющего веселья.

Планета Веги

Исследование трёх этажей «Звёздного Паруса» отняло три дня. Эрвин твёрдо решил освоить управление виманой, не используя установленных землянами янтр. К тому же часть их оказалась поражена электромагнитным излучением во время эксперимента с медузами. Ремонт невозможен.

К Эрвину никто не присоединился. Даже Ефремов, чем весьма удивил Нура. Леда решила «отдохнуть». Как выяснил Нур, – занялась проработкой детального сценария оживления Эрланга. Демьян бродил по «Звёздному Парусу», осматривая оборудование, изредка задавая вопросы Эрвину. Тот отвечал неохотно и кратко.

Ефремов, Азхара, Кея и Нур почти не покидали первый этаж. Эрвин открыл способ освещения ближней территории внешними лампами аппарата, и они наслаждались сменой форм и цветов растений при меняющейся погоде. Те переплетались, завязывались в узлы. Затем развязывались-распутывались, меняя окрас с ярко-алого до слабо-фиолетового. И ни одного перелома! Ни листочка, ни плода-цветка не потеряно даже при мощнейших порывах ветров, накрывавших «Звёздный Парус». Последний торнадо, накачанный энергией до свечения, привлёк на себя десяток крестов ранее невиданных размеров. Украшенные множеством сверкающих дисков, они представляли забавными игрушками для невидимого, скрытого за горами великана. Дождей или снегов-градов не случалось. Сезон не тот. Атмосфера при слабом, не прожекторном освещении, представляла иной, более спокойной.

– Мы попали на Дахмау в хороший сезон, – сказал Ефремов, – Ни сильных морозов, ни жары. Температура колеблется в пределах зоны комфорта.

Нур пояснил Кее:

– Ивану Антоновичу приходилось работать и путешествовать в морозы и жару при минусе и плюсе сорок по Цельсию. Перепад почти в сто градусов. Я это помню и могу представить, но ты с Азхарой – наверняка нет.

Кея заинтересовалась:

– Мороз... И снег, да? Папа Вёльв рассказывал. Но мало. При таком холоде трудно жить?

– Ещё как! – Нур улыбнулся Ефремову, – Иван Антонович может столько рассказать! Железо не выдерживало. Молотки крошились при ударах о камень. А металлические приборы он приказывал обшивать тканью или кожей. Иначе пальцы могли прилипнуть, отморозиться и отвалиться.

Кея по-земному передёрнула плечиками:

– А как же выживают звери? Ведь на Земле, я слышала, много зверей. И даже очень больших.

Нур оживился, вспомнив эпизод из полевой биографии Ефремова и обрисовал Кее вид медведя. А потом процитировал слова свидетеля происшествия:

«Однажды к стоянке отряда вышел бурый медведь-шатун. Поднявшись на задние лапы, он устремился к вышедшему из палатки Ивану. У того в руке было ружьё, но он пожалел лесного гостя. Не поднимая оружия, он грозно рыкнул на медведя – так, что тот мгновенно опустился на четыре лапы и показал хвост. Видимо, зверь решил, что встретился с настоящим хозяином тайги».

– Вот как это было, – завершил рассказ Нур, – «Настоящая работа для настоящего мужчины».

Кея окрасила лицо нежным апельсиновым цветом, посмотрела на Ефремова странным взглядом и спросила:

– А на креста ты не успел рыкнуть? Но он всё равно тебя испугался. А ты его нет. Если б ты испугался, меня бы уже не было.

Ефремов широко и свободно улыбнулся, сравнив родного медведя с чужим крестом. Рычи – не рычи, но без вмешательства Нура не только ему, но и Кее было несдобровать.

А Кея продолжала расспросы:

– Тебя боялись все звери Земли?

«Вот тебе и совершеннолетие! – вспомнил Нур напутствие Вёльва, – Чтобы повзростеть, придётся ей пройти столько испытаний! На Гайяне этого нет. Они определяют возрастание по внешним, биологическим признакам. А внутреннее, основное, психическое они отдали во власть Полю. Царю по имени Ноосфера...».

Ефремов задумался, не зная, что сказать. Нур рассмеялся и ответил вместо него:

– Нет, не все, Кея. Его не боялись два зверя. По именам Бюрократия и Бешеный Пёс.

Ефремов посмотрел на Нура с недоумением и тоже рассмеялся.

«Наверное, он последний раз так раскованно смеялся очень давно. Ещё на Земле. Задолго до того, как мы его забрали».

Сдерживая приступ веселья, Нур пояснил:

– Бюрократия – это такая бумажная громада, которая... За ней надо ухаживать. Для ухода привлекается очень много людей. Если ей не угодить, она может обрушиться и придавить. Насмерть даже.

Кея смотрела на Ефремова сочувственно. И вздохнув, спросила:

– А Бешеный Пёс?

– О, он из разряда собак, у вас таких зверей нет. Они имеют острые зубы и злой характер. Особенно – чёрные собаки, которых называют шайтанами. Злыми духами. Один такой Бешеный Пёс укусил Ивана Антоновича за ногу. Но он получил прививку и не заболел.

– А что такое прививка?

На этот вопрос ответил сам Ефремов, отводя нахлынувшие воспоминания. Ведь та собака ухватила его в присутствии первой, любимой тогда жены и сына Аллана, во времена военные. Ему после укуса пришлось уйти в постельный режим. Тогда-то и сделал он выбор будущей судьбы. Написал первые рассказы, которые очаровали Нура-Валерия. Псу тому благодарность бы выписать.

– А я много ходил с экспедициями по пескам. И Свет Пустыни, – Нур-и-Дешт, – закалил меня...

«Свет Пустыни, – Нуру стало грустно. Мысле-чувства Ефремова достигли его сознания сами собой, – Он желает, чтобы я заглянул в него и понял то, что для него пока самое дорогое или болезненное. И от чего он хочет освободиться, но не решается. Или не может».

Да, какая страшная, гремучая смесь! Сразу и восхищение пройденным путём и разочарование в нём. Крайние позиции, без полутонов! Он разом видит себя и весомым авторитетом в своём деле и фантастике, и почти беспомощным в экипаже межзвёздного корабля. Потому и готов броситься не только на крест, чтобы спасти девочку из чужого, некомфортного ему мира. И не только на это он готов. Такая вот странная форма освобождения от своих слабостей и ошибок. Форма покаяния?

А Нур – в роли духовника? А кто же ещё? Фаэт Эрвин? Предки фаэта создали на Земле высокую по возможностям психотехническую цивилизацию. Психический компонент постепенно ослабел, и к моменту прихода вождя Эрланга и нашествия с Сириуса фаэты подчинились голый рациональности, забыв о духовности. Ошибка Фаэтона... Нур писал о ней, будучи землянином. И угадал, – угадал? – реальность, подобно Ефремову, описавшему приключения свои до их начала.

Большая Книга... Там всё уже написано! Но связь времён и судеб предстаёт непонятной путаницей. Кто искажает ленту прошлого – понятно. Дзульма не дремлет, люди-рабы стекаются в его отряды толпами. И делают то, что он им предложит. Но ведь и его действия уже записаны. И Перо – высохло!

Немудрено запутаться, не имея генеральной ориентировки. У Ефремова её пока нет. Ещё более нет её у Эрвина и Леды. Демьян тоже путается где-то на обочинах, не видя путевых указателей. У Нура нет способов помочь им. Только сами... А с Ефремовым легче. Он открыт, откровенен и непосредственен. Человек без двойного дна, без лицемерия. Его надо поддерживать, не страшась того, что воспрянет гордыня или воспарит высокомерие.

– Ты не такой маленький, Иван Антонович, каким себя рисуешь. Не бактерия и не микроб. Ты не слабее медведя и Креста. А то, чего в тебе нет, обретёшь. Ведь наш путь только начался.

В глазах Ефремова полыхнула и спряталась благодарность.

«Звёздный Парус» сохранил не всю информацию о себе и последнем полёте. Отсутствовали сведения об экипаже.

– Они стёрли все данные о себе и Земле, – сообщил Эрвин.

– Чтобы не дать ориентиров к своему дому. Они встретили разумного противника, превосходящего их мощью, – мрачно прокомментировал Демьян.

Эрвин поправил его снисходительным тоном:

– На Дахмау нет силы, способной уничтожить виману. Они здесь были в безопасности. Люди совершили ошибку. Сделали глупость и заплатились.

Ефремов скрыл усмешку. И сказал так, будто делился итогом свежих размышлений, которые требуется проверить на истинность:

– И я раньше думал, что жизнь по сути – проявление энтропии. Как та же глупость. Оказалось, не так однозначно. Ведь живое – это и душа. Субстанция от материи независимая...

«Выходит, связь времён не так однозначна, – подумал Нур, – В книгах нет его сегодняшней позиции. Как-то влияет, передаётся лишь внешнее, связанное с органами чувств?»

Нур вспомнил, что писал Ефремов о жизни близ разных звёзд. Тех, что отличаются от белого карлика по имени солнце. О синих и зелёных звёздах...

«...особые миры мощных силовых излучений, которые могут химически стимулировать инертные в земных условиях минеральные составы к борьбе с энтропией, которая и есть жизнь. Особые формы жизни минералов, более тяжелых, чем газы, будут активны в высоких температурах и неистойвой радиации звёзд высших спектральных классов».

Ефремов словно угадал мысли Нура:

– Исполненный невежества, я, помню, даже пытался как бы предостеречь обитателей цветных мощных звёзд. Обратил их внимание на угрозу внешнего воздействия.

И, будто забыв пренебрежительное отношение фаэта к подобным себе невежественным землянам, спросил:

– Эрвин, я в нескольких местах на вимане видел изображение креста. Стилизовано, но узнаваемо. Откуда это?

– Память о первой родине, – хмуро ответил Эрвин, – Символ Сириуса на первых звёздных картах.

Азхара, почувствовав новый накал внутреннего напряжения, исходящего от Эрвина и направленного прежде всего на Ефремова, перевела беседу на другую тему:

– Я нашла руководство по питанию на виманах. Вот, послушайте:

«Существует пять видов питательной и полноценной пищи: варёный рис и другие злаки, жидкие каши, жареная мука, печёные лепёшки, а также пища, приготовленная из экстрактов продуктов питания. В случае необходимости – в виде питья, пищи или пилюль экстракты с добавлением пряностей и приправ.

Очистив при помощи специальных приспособлений зерно от шелухи и других несъедобных частиц, его следует перемолоть в муку, прожарить в подходящей посуде и, когда количество продукта уменьшится в восемь раз, добавить экстракты, сладости, специи и перетопленное жидкое масло из молока буйволицы. Затем из этой массы – питательные шарики, вкусные, ароматные и питательные».

И она спросила:

– Интересно, правда? Мы могли бы попробовать.

– А где возьмёте молоко буйволицы? – с иронией спросил Эрвин.

Азхара иронии «не заметила»:

– Думаю, я знаю, что произошло здесь. Люди на «Звёздном Парусе» путешественники опытные. У них запасы продовольствия заканчивались. И по пути к очередной на маршруте планете вимана угодила в капкан Железной звезды. И попали они в тяжёлый сезон, время разгула пылевых бурь и буйства плазмоидов. Пища на исходе, они вынуждены выйти наружу. А защита индивидуальная не приспособлена для условий местных. Но их вина, – система слежения виманы не заметила Туманность, западню скрывающую.

Наступило молчание. Каждый представил трагедию людей, оказавшихся в чужом враждебном мире.

– Здесь наверняка не единицы, а десятки кораблей, – сказал Ефремов, – Судя по количеству костей, только на этом плато не менее пяти. А спиралодиск мог нести в себе сотни звездолётчиков. Костей много, но – костей не хватает! Найти бы видеозаписи. И не только на «Парусе»...

Эрвин помягчил, Нур отметил оттенок вины в его взгляде. Да и в голосе меньше превосходства, исходящего от чувства единственного наследника земных тайн:

– Видеозаписи есть. Я хотел предложить их позже. Но если хотите...

Ефремов вскочил с дивана:

– Да что ж ты... Да это...

Сохранившихся стереозаписей оказалось несколько. Эрвин начал с самой длинной. Янтра воспроизведения видео находилась на втором этаже виманы. Изображение трёхмерное, и проецировалось в центр помещения. Можно смотреть с любой внешней точки. Запись поразила всех.

...Земля старта. Допотопная! С иным пейзажем, почти неузнаваемыми очертаниями материков, мощной атмосферой, невиданными растениями и животными. Насыщенные краски, высокое небо... Запахи, конечно же, тоже не имеют аналогов с сегодняшними. И люди – раза в два выше Вёльва и Сандра, красивые и могучие. Кожа у них апельсинового и лимонного окраса, у некоторых с оттенком сирени или сини. Яркие одежды, на головах женщин украшенные светящимися камнями платки, обручи-короны... Выделяются особой статью золотоволосые и золотоглазые мужчины и женщины.

Демьян с иронической улыбкой посмотрел на Эрвина. Вот и достоверный факт – фаэты и земляне живут единым сообществом. И нет никакой Цитадели для избранных. Мир единого

человечества, не разделённого на расы и народы! Общий расцвет культуры, науки. Никакой дикости или вражды, нравственная гармония. Множество храмов и центров науки, расположенных рядом!

А вот и конечный отрезок линии маршрута «Звёздного Паруса» – к сочно-фиолетовой звезде.

– Вега! – воскликнул Демьян, – В три раза больше Солнца, температура поверхности одиннадцать тысяч по Цельсию. И у неё – три планеты, схожие с Землей. И по размерам.

– Эрвин! – в нетерпении обратилась Азхара к фаэту, – Мы можем перейти сразу к Веге? Что случилось там?

Эрвин повернулся к ней и замер. Почти шок! Нур – невольно – прочитал смысл, сузивший зрачки глаз фаэта и расширивший золотую радужку. Он сравнил цвет кожи фаэтов на видеозаписи и Азхары, особенности головы и черт лица. И стало ему ясно – они одной крови! Азхара унаследовала гены предков-фаэтов? А цвет глаз и волос – признаки вторичные и обусловленные местом-временем. На Фаэтоне они имели совсем другую внешность. Это волею гением Эрланга из семян лотоса рождались золотоволосые и золотоглазые. По сути, Азхара больше фаэтянка, чем Эрвин!?

Неожиданно открывшийся факт говорит и о том, что в те давние времена Ила-Аджала была тесно связана с Землёй. И, возможно, то был единый мир, который затем разделился, запараллелился. Или тогда действовал открытый Портал.

Да, Эрвину придётся пересмотреть систему взглядов на роль фаэтов в истории Земли.

«Звёздный Парус» приблизился к внешней планете Веги. И стало ясно: экспедиция опоздала.

«Из недр планеты выпирали острые пики, рёбра, отвесные иззубренные стены красных, как свежие раны, чёрных, как бездны, каменных масс. На обдутых бешеными вихрями плоскогорьях из вулканических лав виднелись трещины и провалы, источавшие раскалённую магму и казавшиеся жилами кровавого огня».

«Высоко взвивались густые облака пепла, ослепительно голубые на освещённой стороне, непроницаемо чёрные на теневой. исполински молнии в тысячи километров длиной били по всем направлениям, свидетельствуя об электрической насыщенности мёртвой атмосферы.

Грозный фиолетовый призрак огромного солнца, чёрное небо, наполовину скрытое сверкающей короной жемчужного сияния, а внизу, на планете. – алые контрастные тени на диком хаосе скал, пламенные борозды, извилины и круги, непрерывное сверкание зелёных молний».

Ефремов смотрел на объёмную картину с таким напряжением, что в белках глаз проявились красные прожилки. Планета претерпела ужасную катастрофу. Даже горы рассыпались в песок. Там и тут – холмистые пустыни, светящиеся многими цветами. Оранжевым, фиолетовым, зелёным, голубым, белым...

Но вот и развалины громадного когда-то города. Ещё узнаваемы останки храма и нескольких особо прочных зданий.

«Звёздный Парус» делает очередной виток, снижая высоту полёта. Развалины ещё одного города. Здесь видны только фундаменты. А вот и городской центр, бывший когда-то цветущим парком. О чём можно судить по сухой чаше водоёма и застывшей кругом неё стеклянной полосе оплавленного песка.

Тут звездолёт завис и, подчинившись команде человека, чьи кости лежат теперь в нескольких десятках метров от виманы, сохранившей запись, опустился между обгорелых стволов деревьев.

Объектив направлен на голографическую скульптуру женщины. Лёгкое зелёное одеяние, волосы ниспадают к ногам оранжевыми локонами. Гармония женской красоты взволновала даже холоднокровного Эрвина.

– Что же здесь произошло? – шёпотом спросил Ефремов, – Какие красивые, совершенные люди! Это не природный катаклизм! Чья-то беспощадная, чуждая рука!..

Нур не дал ему закончить фразу:

– А кто правит на Дахмау, Иван Антонович? Разве не тот же Тёмный Дух, обитатель Мрака? Не тот, кто предложил тебе остаться навечно в придуманном семейном раю? Будешь отрицать?

Ефремов не стал ни отрицать, ни подтверждать:

– Но какова же его сила? Где её пределы? Захватить виману Земли – это я могу представить. Но тот громаднейший спиралодиск! Ведь он, скорее всего, представляет иную галактику. Захватить галактолёт – для этого требуется мощнейшая технология.

Нур взглянул на Эрвина. Мыслесвязь с ним сохранялась сама собой, без инициативы Нура. Фаэт вспомнил Облако Оорта. Нур воспринял образы из его памяти и поделился ими:

– На дальних подступах к Солнечной Системе атакован и развален на обломки галактолёт, превосходящий обнаруженный нами здесь, на несколько порядков. Размером с приличную планету. Равновесие между Светом и Тьмой колеблется, но сохраняется.

– Вот он! – воскликнул Ефремов, указывая правой рукой на тень рядом с голографическим изображением женщины уничтоженного мира Веги, – Тот самый, Нур!

Носителя тени камера не зафиксировала, лучи фиолетового светила проходили сквозь него не отражаясь. Но преломленная тень ясно говорит – по праху погибшей цивилизации прогуливается Крест.

Видео-экскурсия к Веге ударила по эмоциям. Решили отдохнуть, прежде чем определить ход дальнейших действий. То есть – переход в Ананду и работа с саркофагом. Ефремов, пытаясь освободиться от магии фильма, поинтересовался нарочито равнодушным тоном:

– Откуда «Звёздный Парус» черпает энергию? Ведь он тут многие тысячи лет. Неужели от Железной звезды?

Эрвин отвечал после недолгой паузы:

– Планета переполнена энергией. На вимане есть накопители. Ёмкости обновляются во время ураганов. Так легче пополнять... Деструкция коснулась только некоторых янтр. И по нашей вине. Те фаэты... И люди-земляне – они умели строить.

Нет уже в словах яркого оттенка превосходства или желания посмеяться над землянами.

Сновидение Нура

Ефремов определил эти часы как «самое глухое время – «час быка» – власти злых духов и чёрного злого шаманства».

В Час Быка в сновидение Нура явился отшельник Сетх из Гайяны. Стоял он рядом, но голос его доносился издали. Словно эхо из иного мира наполнило каюту.

– «Ваша система не является системой реальности, сформированной более интенсивной концентрацией энергии. Просто это система, на которую вы настроены, и неотъемлемой частью которой вы являетесь. Именно по этой простой причине вы её и воспринимаете».

– Ты о чём, странник?

За спиной анахорета за клубился сиреневый туман.

– Вы нашли врага, не он вас. Ты айл, и не понимаешь?

– Мы притягиваем к себе то, о чём думаем? Поэтому Земля разделилась на непохожих близнецов?

– Ты состоишь, как и все люди, из множества тел. Нескольких... И те, и «другие части вас, которые вы сознательно не осознаёте, обитают в том, что вы бы назвали суперсистемой реальности. В ней сознание учится иметь дело и воспринимать более сильные концентрации энергии и создавать «формы» другой природы».

– Ефремов догадался. На Дахмау нет крестов и медуз. Мы их привезли с собой. И тот крест, что у Веги, – он сотворён обитателями погибшей планеты.

Туман за Сетхом прояснел, открылось звёздное небо. Незнакомое даже Демьяну...

– Айл, пока вы под абсолютной защитой. Но разве ты можешь быть уверенным в завтрашнем дне?

Отшельник-Сетх улыбнулся как робот-манекен и исчез. Кусок звёздного неба заволокло туманом. А в нём проявилось лицо, в котором он узнал сразу Сандра, Ахияра и Эрланга. Все трое заговорили глуховатым баритоном Ефремова:

– Вы скользите по грани между тёмной и светлой материями. По слоям и спиральям... По линиям нуль-пространства. Велик риск низринуться в один из миров Инферно. Что есть высшая форма материи?

Нур попытался сделать сон управляемым, но не вышло. Слишком сильная сила противостоит. И сказал, сохраняя невозмутимость:

– Я знаю, что ты хочешь сказать. Дух? Ты – Дзульма. Всего-навсего. Ты ничего не можешь, пока я не разрешу. Мой экипаж не добавит костей в твою копилку на Дахмау.

Три лица слились в одно, неузнаваемое. И звучал уже не баритон Ефремова, а женское приятное контральто:

– Ты меряешь ногами световые годы, развлекаешься. А на Иле-Аджале плохо. Разве не там, не рядом с Сандром, место твоё?

Лицо застыло, став бюстом. Из статуиных губ вырвался смех и ударил по всем клеточкам спящего организма. А замерев, обратился в слабый, как после удара медузы, голос Ефремова:

– Вялость и апатия охватывают мою душу. Всё время хочется спастись. Пульс замедлен, давление снижено. Нам пора в путь, но я боюсь заболеть...

– О, Роух! – простонал во сне Нур и проснулся.

Из его каюты через прозрачный потолок уходил последний клочок сиреневого тумана.

Z

–Фактор

Эрвин ворвался в каюту Нура как плазмоид на гребне атмосферного вихря. Вот-вот заискрит.

– Я понял! Я понял, почему «Звёздный Парус» выбрал именно это место для посадки. Никакого принуждения не было, это не капкан для звездолётов...

Нур не сразу переключился, магия сложного сна держала крепко.

– Присядь, Эрвин. Попробуем сначала. Что ты понял?

Нур глянул на потолок: ни звёздного неба, ни тумана сиреневого. В голове прояснилось, и он воспринял глубину волнения фаэта.

– Мы говорили о книгах Ефремова. О совпадениях текста с нашей реальностью. Я не принимал всерьёз. Но это – не совпадения. Сопоставим с твоими книгами, написанными на Земле, в эпоху Ефремова. Чуть позже. Тоже не принимал всерьёз. Но этой ночью... Есть связь времён!

– Но ведь тебя не совпадения, даже если они – прямые отражения, так взволновали. Перейдём к конкретике.

Явление фаэта Эрвина в таком состоянии – само по себе экстраординарно.

– Лианоподы... На моей Земле до Вторжения они выглядели ало-красным пульсирующим сплетением гибких труб, похожих на лианы. От них струилось ощущение жизни. Несмотря на то, что рядом с ними ничто не росло, даже трава. Самое устойчивое предположение: они – концентраторы какой-то энергии. Ночью я смотрел на чёрные заросли за стеной виманы. Так вот... Если смотреть отвлечённо и долго, не менее получаса, начинаешь воспринимать их по-другому. Они – аналоги земных лианоподов. Экипажу «Звёздного Паруса» не продукты питания были нужны, а энергия. Вот почему вимана здесь! Вот почему она столько веков исправна и может легко подняться и продолжить полёт.

«Крайне интересно. Ночь открытий, – Нур внимательно смотрел на взволнованное лицо фаэта, – Но надо дослушать...».

– Их нельзя уничтожить. Ефремов бился с ними, очищая корпус виманы. Ни молекулы они не потеряли. Отклонились, пригнулись – и всё. Секрет в энергии, которую они держат в себе. Прямой выход на вакуум через внутрикварковые процессы – вот где разгадка. На Транс-Плуtone фаэты держали устройство локальной, выборочной активизации физического вакуума. С выходом на тёмную материю. Такой установкой можно уничтожить целую планету, разнести её на кусочки или стереть в пыль. И можно...

– Ликвидировать чужой, враждебный Галактолёт, – продолжил его мысль Нур, внезапно осознав важность открытия, – Что-то подобное в моей биографии внедрила Империя для открытия Прохода на Илу-Аджалу. Поставка технологии прорыва шла из подобного, тёмного мира.

Эрвин осознал, что Нур поверил ему, успокоился и присел рядом на стул.

– На этой планете готовится новое войско для атаки Земли. А возможно, и Илы-Аджалы.

Нур отреагировал не совсем по теме:

– Получается, противник у нас один. Из одного центра действия координируются. А мы в экипаже... Ананда освободил нас от забот о хлебе насущном. В полном объёме. И, тем не менее, мы – не едины. Ищем различия, моменты превосходства над другими. Три расы... Несколько человек... а единства нет. Тьма таких нас не боится!

Нур обратился мыслью к Азхаре и попросил пригласить всех в его каюту. Поприветствовав экипаж, кратко изложил открытие Эрвина и разговор с ним.

– И как это нам поможет? – не выразил энтузиазма Демьян, – Мы стремимся куда? Возвращение домой исключая, нас не пустят. Мир Сириуса, – как я усвоил, – там основа жизни нечеловеческая, белково-кремниевая. Холод, безводье... Безмозглые кремниевые организмы.

– Как безмозглые? – спросила Кея.

– У них чипы вместо нейронов. Эмоций никаких.

– И я встречал таких, – заметил Ефремов с усмешкой, – У нас их зовут арифмометрами.
– Их цивилизуют силы Тьмы, – сказал Эрвин, продолжая удивлять Нура уклонением от привычного рационального мышления, – На Дахмау мир мягкий, понятный. У Сириуса – даже препарировать не получится, только разбирать.

– А Крест можно препарировать? – спросил Демьян, – Он на искорки распадётся, если что. Неуничтожимая форма жизни.

Но сегодня – день Эрвина. Он не уставая продуцировал гипотезы:

– Железная звезда испускает некое излучение. Вне электромагнитной шкалы. И существа этого мира улавливают его. Сигналы-программы, сигналы-предупреждения.

Ефремов оживился:

– У нас подобное излучение идёт от Солнца. Но реагирует не всё живое. Бактерии некоторые. Z—фактор... Вспышки на Солнце ещё нет, а они уже знают. Но чтобы целые программы...

Эрвин продолжил, не обращая внимания на недоверие:

– На планете что-то назревает. Лианоподы зашевелились. Крестов-медуз не наблюдается поблизости. И огоньков в воздухе почти нет.

Ефремов не стал с ним спорить:

– От звезды-железяки можно ждать крупных неприятностей. А Дахмау кто-то извне руководит. Звезда звездой, но где-то недалеко сидит Некто и нажимает кнопки. По всему, надо нам возвращаться на Корабль. И заняться саркофагом. Пока все медузы не сбежали в горы дальние.

И, потерев лоб правой рукой, продолжил уже менее уверенно:

– Вопрос зрел давно. Но сформировался лишь этой ночью. Как я понимаю, время выживания на Дахмау заканчивается. Что-то назрело. Загадка для меня одна – айлы! Перед глазами стоит великан-отшельник Гайяны, лежащий ниц перед Нуром и Азхарой. Я много думал... Неужели тайна – в вашей вере? В религии? В чём она? Я не видел ни молитв, ни предметов культа, ни обрядов с ритуалами. В чём ваша духовность, Нур? Я понимаю, когда склоняются перед мощью оружия или высшей технологией. Но перед ними становятся на колени рабы. Порабощённые... Но здесь – не то. А нечто сущностное. Не понимаю!

Нур внимательно посмотрел на каждого. Нет, словами на данный момент ничего не объяснить, не сделать. Нет, без Эрланга он не сможет...

Только бы не смешались возможные реальности...

«О, Роух! Как я смог попасть в последнем приземлении внутрь своих романов? А сквозь географию того мира пробиваются факты из внероманной действительности. Ту, которую я прожил на Земле до схватки с Империей в оперативном отряде «Чандра». Как получилось, что Воевода и Ефремов присутствуют разом в двух мирах? В одном месте они пьют «Московскую», в другом – «Славинскую»! Я не могу утверждать, что понимаю. Как и Азхара. Известная нам логика не работает».

«Известная логика... Фиргун расхохочется на твои слова. Ты айл. И ты ещё не знаешь, что это такое – быть айлом! Вам дано больше, чем ты можешь нафантазировать. Не торопись. И не торопи...».

«Итак, воплотилась придуманная мной реальность... В интересах айлов? Расчёт на проявление новых перспектив?».

Возвращение Эрланга

Снаружи Сфера светит как тусклая звезда. Изнутри её заливают солнечный свет. Излучение идёт от свечи в Лампе. Свечечки...

– Где вы пропадали, граждане неизвестной страны? – встретил их громким вопросом Фиргун, стоящий в Лампе со скрещёнными на груди руками.

Нур в приветствии склонил голову и сказал:

– Нас задержал «Звёздный Парус», вимана древних фаэтов. Тебя очень не хватало.

– И я заскучал. Без айлов и жизнь не жизнь. А так, одно подобие. Вы вовремя. Только что пропал чёрный алмаз. Настало время свершений? Чем думаете заняться?

Нур оглядел экипаж, сосредоточенно снимающий скафандры. В разговор с Фиргуном вступить никто не торопится. Или не решается.

– Саркофагом, – ответил Нур, – Пришёл день Эрланга. Брамфатура превратится в ауру.

– Одобряю! – сказал Фиргун, – Но хочу неизвестных мне подробностей. Леда! Тебе известно больше. Расскажи мне.

Леда сложила скафандр рядом с креслом, поправила причёску. И коротко сообщила-напомнила о глубокой зачистке планеты-агрессора Йуругу.

– Леран нашёл центр вражеской силы в глубинном гроте. И получил энергетический удар от императрицы захватчиков. Сама императрица исчезла. Леран успел среагировать и сохранил себя в собственном внутреннем поле. Оно видимо нам как брамфатура. В пределах Солнечной Системы не нашли средства разблокировки. На Гайяне тоже. Энергия Дахмау даёт реальную надежду.

Фиргун потёр виски пальчиками и сказал:

– Как же... Обнаружил я в здешней библиотеке дилогию «Ошибка Фаэтона». Похоже, как там описано, так оно и было на самом деле.

И, удовлетворённо кивнув, спросил:

– А как думает друг мой Иван?

Глаза Ефремова осветились симпатией. Нур передал Азхаре: «Ты права – он всегда искал дружбы с Фиргуном. И не обижался на него даже в труднейшие моменты. Да и Хитрый Дед совсем не старался его обидеть».

– Иван думает, решение верное, – твёрдо сказал Ефремов, – Для разблокировки нужна энергия, родственная поразившей Эрланга. Лерана... И я читал эту дилогию. Уверен, часть именно такой энергии вплетена в брамфатуру. В ней смесь света и тьмы. В равновесии.

Фиргун изобразил живой интерес:

– А каков алгоритм операции? Прошу в деталях. Кто?

Нур посмотрел на Леду, она поняла и кивнула. И сказал:

– Леда. А мы ещё раз проверим свою готовность.

Леда очень точно и спокойно описала порядок действий каждого участника «операции».

– Согласен. Двух медуз должно хватить, – сказал Фиргун, – Они сейчас злые. То, что требуется. Не волнуйтесь. Риск есть в любом деле. Но в этом он минимальный. Ведь сам Эрланг будет вас страховать.

Последняя фраза Фиргуна ввела Ефремова и Эрвина в растерянность. Фиргун улыбнулся им и добавил:

– Вы закалились, стали бедуинами, воинами чёрных пустынь. Но не забывайте – чем вы крепче, тем больше крутится рядом джиннов в разных ипостасях. И прекрасные будут приходить, не сомневайтесь.

«Операция» прошла по сценарию, озвученному Ледой. И почти по прогнозу, зафиксированному в другом месте-времени Ефремовым.

«Два белых комка в форме неправильных шаров с ноздреватой, волокнистой поверхностью» замерли у ног и изголовья Эрланга. Чёрное легко превращается в белое, когда ему очень выгодно. По брамфатуре прошли цветные волны. Одновременно Нур перестал слышать, что происходит внутри Ананды. Но обострились дальний и внутренний слух. Воздух вне Корабля шуршал, пощёлкивал и скрипел. Нур приготовился к восприятию чего-то невероятного. И на него придётся реагировать без адаптации.

«Азхара, – мысленно попросил он, – Держи меня на контроле». Она встала рядом. У люка, готового открыться в нужный момент и без команды. Нур крепко помнит слова, которые не всякий поймёт: «Я – это ты! Ты – это я!».

В шум вовне добавилось усиливающееся потрескивание. Кресты-медузы приближаются, концентрируя вокруг себя электромагнитное поле. Главное теперь – не «переборщить». Не более и не менее двух медуз!

Саркофаг установлен в двух шагах от входа, на дистанции одного прыжка. Эрвин держится нормально, не подведёт. Но все полагаются на айлов!

В поле зрения явилась первая медуза, плывущая в метре над чёрным песком. Потрескивание перешло в резкое пощёлкивание. В голове возник слабый шёпот, пока неразличимый. Будто голос. Чей и зачем? Внутри Ананды абсолютная тишина, сообщила Азхара. Значит, и Фиргун настороже. Запасной козырь... Или аргумент надёжной мощи?

У саркофага раздался звук, напомнивший одиночный выстрел из любимого в перепутанной биографии имперского автомата. Ещё один. Всё, пора!

Но возросший внутри голос удержал от броска. Да и люк не открылся.

– Стой! Выжди несколько секунд. Пока не увидишь третью!

Знакомый тембр, но неузнаваемый. Не до узнавания пока. Зрение обострилось, перекрыв полосу оптического диапазона дважды вправо и влево. Брамфатура потеряла цветность и засветила как огонь электросварки. Но включать фильтр шлёма нельзя.

Вот и третья. Громадная, ромбом не менее трёх метров в поперечнике. Вожак. Контролёр, смотрящий. Теперь можно?

– Вперёд! – прозвучала в голове команда.

Голос Ахияра! Или Сандра!?

«Голос Эрланга!» – сказал мысленно Эрвин.

– Люк! – скомандовал Нур, и они с Эрвином синхронно бросились вперёд.

Два движения: поднять крышку и опустить на саркофаг. Герметизация автоматическая. Ещё два движения: поднять саркофаг и сделать с ним бросок внутрь Сферы.

После «операции» – как можно быстрее выбросить саркофаг с медузами наружу.

Эрланг на диване, в состоянии более беспомощном, чем Ефремов после схватки с Крестом. Рядом Нур и Азхара. Остальные в отдалении, переполненные волнением. Но нет, Ефремов сохраняет полное спокойствие. Словно событие для него совершенно рядовое.

Ауры айлов соединились. Их свечение затмило свет Лампы. Скоро к двойной ауре добавился серебристый луч, исходящий от головы Эрланга. Добавился и через несколько секунд пропал. Полного слияния не произошло: фазты не айлы.

Но дыхание Эрланга стало осязаемым, глубоким. Леда громко вздохнула.

– Он спит, – прошептал Нур, – Не надо его пока беспокоить.

– Сколько он будет спать? – тихо спросила Леда.

– Сколько понадобится, я не знаю. Ждём...

На выход из сна Эрлангу понадобилось трое суток. За это время кожа порозовела. Отросла борода с заметной сединой в золоте. И вот, он открыл глаза. Взгляд осмыслен, но лишён любопытства. Нур помог подняться, встать на ноги. Слабость не позволила сделать и шага, и Нур уложил воскресшего на диван.

– Трудное возвращение. Издалека...

Слова Нура вернули Леде прежнее, каменное спокойствие фазтянки. Поведение этой расы, претендующей на земное величие, непредсказуемо, решил Нур. И как она смогла впитать в себя чуждое по сути отношение к миру? Демьян не меньше вращался среди фазтов, но не заразился ведь.

К вечеру благодаря усилиям Нура Эрланг смог занять место за общим столом. Азхара с Анандой позаботились о медовом напитке от Глафия, который понадобился не только возрождённому фазту, но и его подруге. У Нура получилось – он установил мысленный контакт с Эрлангом и сориентировал того в месте-времени. Но, доверяя безусловно айлу, тот критически воспринял прочих присутствующих. Эрвина, похоже, не признал за своего. На Леду смотрел изучающе, с сомнением, оценивая...

Закончив чашечку оздоравливающего напитка, сказал слабым ещё голосом, обращаясь к Нуру:

– Меня не спросили... Хочу ли я вернуться фазтом... Почему бы не айлом?

Молча наблюдавший за процессом Фиргун отреагировал с иронией:

– Я бы тоже хотел. Да кишка тонка...

Пространство Ананды без саркофага пришло в беспорядок. Фиргун никак не мог определить место для Лампы. И требовал поставить её то туда, то сюда. Стол кочевал из одного места в другое. Каюты перестроили по-новому. А в атмосфере Дахмау наступили тишина и благодать. Задача пребывания у Железной звезды выполнена, но никто и не заговаривает о продолжении пути.

Внешне Эрланг вернулся в прежнее состояние. Вид фазта внушал почтение: ростом и мощью превосходит Ефремова, а Эрвин рядом выглядит уменьшенной и недостоверной копией.

«Царственность природная, – передал Ефремов Нуру, – Лев! Его прайд там, где он находится. Вождь явился!».

Очередное переселение не сняло напряжённости внутри экипажа. Эрланг молчал, изредка обращаясь к Нуру с мелкими вопросами. Эрвин попытался подойти к отцу, но получил такой встречный взгляд, что попытки не повторял. Леда надела маску полной бесчувственности. Демьян, видя такой расклад, и не пытался заговорить с «шефом».

Нур разделил каюту с Эрлангом, Ефремов устроился с Демьяном. Три дамы объединились. Эрвин остался в одиночестве. Нур заметил, что в первую же активную ночь Эрланг попы-

тался установить взаимопонимание с Фиргуном. Но Чакравартин отклонил попытку близкого контакта.

– Отец, думаю, не признал во мне фаэта, – грустно признался Нуру Эрвин.

И Нур стал круглосуточным спутником Эрланга. «Проводником в этот, не лучший из миров», – выразился Ефремов. Прошла неделя, и Эрланг пожелал осмотреть местность, спиралодиск и виману. Причём в мужском обществе.

Исполинские размеры спиралодиска его не впечатлили.

– Есть миры, на которых обитают люди, превосходящие нас всем. Первые поколения землян и фаэтов были гигантами. Но размер и масштаб не спасают.

Погода на плато установилась курортная, по определению Ефремова. Нур заметил: память к вождю фаэтов возвращается постепенно и медленно. И этим объясняется его замкнутость. А по мере восстановления утерянной картины мира... Чем и как определится день старта с Дахмау?

– Я знаю, откуда он, – указал на спиралодиск Эрланг, – Галактика М-31. Нур, обрати внимание, он мерцает не по-нашему. У каждой галактики свой внутренний ритм, и он присутствует в каждом атоме, где бы тот ни находился.

Нур постарался «включить» в себе разом айлийянское, земное и гайянское зрение. И увидел то, что без всякого усилия наблюдает Эрланг. Звездолёт действительно пульсирует, вызывая дискомфорт в восприятии. Кусочек не просто чужого, но чуждого мира застрял на Дахмау. Или он здесь не пленник? А часть общего, некоего целого?

– Придёт срок, доберёмся и до него, – уверенно заявил Эрланг и попросил Ефремова показать скопление человеческих костей.

На осмотр останков ушло больше времени, чем на «Звёздный Парус». Эрланг поверг в изумление Ефремова, не согласившись с ним в оценках.

– Здесь мало останков экипажей звездолётов. Да, должно быть, на планете много захваченных Туманностью кораблей. Но тут в основном аборигены. Где-то недалеко колония людей, откуда сюда поставляют мертвецов. И не только мертвецов.

И фаэт указал земному геологу и палеонтологу на отличительные признаки аборигенов, чьи кости присутствовали во всех «кучках». Ефремов согласился сразу:

– У меня возникла догадка о том, что на плато сбрасывали их целенаправленно. Но я отбросил её. И забыл. Но как они сюда попали? Дахмау имеет планету-двойника рядом? С человеческим населением?

Эрланг ничего не ответил. Ефремов, поколебавшись, задал другой вопрос:

– А как вы определяете по артефакту, свой он или чужой?

Эрланг улыбнулся, впервые со времени пробуждения. И так, как Эрвин никогда не улыбался.

– Ты наверняка знаешь это древнее слово – свара. Во всём, что делает человек, сохраняется его жизненная энергия. А она имеет свою пульсацию. Ритмы легко различимы.

– Легко? Да, конечно легко, – согласился Ефремов и показал Нуру большой палец.

Он восхищается фаэтом! И тут же Ефремов заговорил с Эрлангом о золотом сечении. Где побывал фаэт во время своего многолетнего сна? То, что он говорит, удивляет представителей всех имеющихся на Ананде рас:

– На этой планете царит дисгармония. Радикализация золотого сечения. Дискомфорт от суммы переборов-недоборов. Земляне и гайяне никогда не смогут жить вместе, рядом. Но они могут и будут братьями. У них разные гармоника. Но не враждебные. Гайяне никогда не

построят что-то подобное «Звёздному Парусу». Их технологии лежат в иной гармонике. Ты меня понимаешь, Ефремов?

– Стараюсь, – по-детски радостно улыбнулся Иван Антонович, – Пойму!

И заговорил о десятичной системе, украшенной арабским нулём, как о гармонической периодической последовательности. Оказывается, если каждой цифре поставить в соответствие ноту и сыграть их, получится повторяющаяся мелодия, похожая на мотив песни. Непременно сообщить Джахару, решил Нур. Но слова Эрланга и Ефремова Джахар не воспримет. Как и все айлы, не любящие счёта. Для них в десятичных знаках иррационального числа никакого смысла нет. Хаос: они ведь появляются один за другим в непредсказуемом порядке. Музыка иррационального числа – полнейшая дисгармония.

Там, откуда берут «человеческое питание» для монстров-обитателей Дахмау, наверняка царит какофония. Какой всё-таки парадокс! И ведь тоже полное соответствие букв числам!

– А в чём гармония Веры? – задал Эрлангу уже в Ананде Ефремов свой главный на сегодня вопрос. И с извинением во взгляде посмотрел на Нура.

Эрланг ответил не сразу. Внимательно посмотрел на радугу ауры айлов, к которой экипаж успел привыкнуть и почти не замечает. Затем на Фиргуна: Лампа висит в центре Сферы на уровне головы Кеи.

– А вот представь, Иван Антонович. Тебя пригласили в приличный дом и его хозяин сказал: «Я приготовил этот дом для тебя. И учёл всё, что тебе понадобится. Живи и радуйся. Но помни одно – живи по данным мной правилам и не забывай обо мне. Если понадобится – я всегда рядом». Ты живёшь в этом доме год, другой. Никаких проблем, жизнь райская. Но вот пришёл день, в который ты решил, что сам с усами. Зачем тебе помнить о строителе-дарителе дома? Да и его правила... Там ведь есть и запреты, ограничения. Не ходи туда, ходи сюда... И ты решил установить свои. И перестроить дом по своему хотению. Ты понимаешь меня, Ефремов?

Эрланг спрашивает Ефремова, но смотрит в глаза каждому. Кроме Нура с Азхарой. И каждый понурил голову.

Ананда объявил голосом Эрланга:

– – Капитан Нур! Организм Корабля функционирует нормально. Я готов к продолжению пути. Стоит ли определять маршрут?

Нур, не отводя взгляда от лица Эрланга, широко улыбнулся и объявил уверенно:

– Летим туда, не знаю куда! За тем, не знаю за чем...

Разрыв Алгоритма—5

Земля или Шамбала?

.

О поле, поле, кто тебя

Усеял мёртвыми костями?

А.С. Пушкин. Руслан и Людмила

.

Эрланг не удивился отсутствию грохота планетарных двигателей. Ответы на вопросы о новой реальности он добывал где-то в себе, в крайнем случае обращаясь к Нуру.

Ананда поднялся и завис над горами. Следом из межгорных ущелий взлетели громадные светящиеся птицы. Мир Дахмау – Чёрной планеты – демонстрировал богатую жизнь. Железная звезда, насыщая планету жёстким излучением и электричеством, питает организмы странные и жуткие. Экипаж познакомился с малой частью живого ночного многообразия.

Фазт отказался от освоения технологий пришельцев из дальних звёзд, захваченных Туманностью. Ефремов не пожелал детального исследования человеческих костей на плато с Галактолётом.

Старт совершился без сожалений. Менеджеры внутритуманного мрака остались вне поля текущего внимания. Но беспокойство не покидало всех, кроме Кеи. Зреющая гайянка мечтала об освоении наследства мамы Линдгрэн.

Но узел проблем, приведших людей разных миров на космический корабль без двигателей, не развязался. Мрачная тень Сириуса склонилась над ними, сгустившись тотчас после старта.

Между тем Фиргун продолжил игру с Ефремовым, начатую в первую встречу и преследующую некую тайную цель.

– Иван, – спросил он, как только планета ушла за пределы поля зрения и Ананду объяла непроницаемая серая Тьма, – Почему ты так написал? Я читаю и удивляюсь:

«Никакой скороспелой разумной жизни в низших формах в виде плесени, грибов, растений, тем более мыслящего океана быть не может».

– А ведь только что все стали свидетелями – кресты и медузы состоят из светящихся микро-шариков, свободно плавающих в атмосфере. И воздух Дахмау можно считать единым, живым и мыслящим организмом. Что скажешь, Иван?

Ефремов улыбнулся. Он перестал расстраиваться из-за пустяков и вернул ранее скрытую самоиронию:

– Я же не топ-мыслитель. Туман и во мне гнездится. Я в экипаже как обезьяна, сбежавшая из зоопарка.

Фиргун довольно рассмеялся и захлопал в ладоши. И продолжил:

– О, беспартийный коммунист! Как ты красиво растёшь... И антропоцентризм ты перестал отрицать? А то, видишь-ли, из него вытекает бесцельность существования жизни. Так вытекает или уже нет?

– Уже нет, не вытекает, – не без удовлетворения ответил Ефремов.

Эрланг дружески коснулся ефремовского плеча и сказал:

– А кто не ошибается? Фаэты после веков взаимодействия с людьми Земли отказались от единства. И что вышло? Те и другие завернули не туда. Ведь так, Иван Антонович? Куда стремились земляне на «Звёздном Парусе»? Ведь эта вимана – настоящий оружейный бастион. А сейчас? Мы все, совместно, видим угрозу в Сириусе. Даже айлы... Не рискует ли Ила-Аджала превратиться в ещё одну Землю?

Фиргун рассмеялся:

– Какой умный друг у меня появился! Да, господа военные, как бы малое забытое не перевесило ваш крупный суммарный страх. Посмотрите, что за бортом вашего корабля...

А за тонкими невесомыми пределами Сферы расстелилась бескрайняя Туманность. Однотонная темнота, лишённая ориентиров. Демьян помрачнел. Седой волос взъерошился, морщины углубились, глаза влажно заблестели.

– Что-то всё не то и не так, – сказал он, – Врезать, чувствую, надо по бездорожью. Но с кем?

Он осмотрел страдальческим взором экипаж и остановил его на Ефремове.

– Ты как, Иван Антонович, не составишь компанию?

– С удовольствием. Но где взять? Ночью ликёро-водочное не продают.

– Для хорошего дела найдём, – вмешался Ананда, – Идите в каюту, я всё приготовил.

Демьян и Ефремов, прикрыв за собой дверь, посмотрели на стол в гостинной каюты и дружно ахнули. На расшитой женскими силуэтами скатерти-самобранке красуется бутылка «Столичной», а кругом неё расставлены тарелочки. А на тарелочках бутербродики с красной икрой, сыром, и ещё с неизвестно чем.

– И стопочки хрустальные, и вилочки нержавеющей! – простонал счастливый Демьян, – Всё так, как я любил в моменты расслабления. На моей Земле, Иван Антонович, была крупная война. Она и сейчас продолжается. Только уже внутренняя, гражданская.

Ефремов причмокнул:

– Хороший стол. Холостяцкий. Война войной, а...

Они не торопясь заняли места напротив друг друга. Демьян на правах старшего возрастом разлил по стопочкам и провозгласил:

– Ну, за мир во всех мирах!

Прозвенев хрусталём, она единым духом осушили ёмкости. Демьян поднял бутерброд с икрой, понюхал.

– Ничего прошла первая. Точно куда надо. Давай следующую, Иван Антонович. Между первой и второй... Чтобы шальная пуля не пролетела.

Иван Антонович рассмеялся.

– А шальных пуль не бывает. На всех стоят имена мишеней. А вот шальные бабы – это другое дело.

Демьян тоже рассмеялся, выпил, закусил. Ефремов оглядел стол, прищурился и сказал:

– Да, поскольку речь зашла... Ты почему один, Демьян? Поседел весь, а семьёй не обзавёлся...

Прохоров обеими руками взъерошил и без того лохматую голову и, бросив на Ефремова погрустневший взгляд, сказал:

– Да как-то я не туда... Ты знаешь, входил я в Комитет Пятнадцати. Юное правительство атакуемой монстрами Земли. Девочка в Комитете была, Юлия. Мы все там вундеркинды, но она – из умниц умница. У меня чувство к ней. Но война, круговерть. После – как бы затишье, расслабление. Кто куда ударился. Эрланга с нами не стало, а многое на нём одном держалось. Я собирался, но слишком неторопливо. Она, Юлия, нашла свою судьбу. К моменту моего старта

на Облако Оорта у неё десяток детей, какой-то семейный бизнес в тихом местечке. Муж – фаэт второго поколения. Или полуфаэт, не знаю. Так вот, понимаешь...

Ефремов сочувственно хмыкнул, разлил. Придвинул к Демьяну тарелочку с мини-шаурмой.

– Ваш Комитет Пятнадцати... Как я понял, вы ещё тогда догадались о причинах земных бед. Да никто вас уже не слушал. Фаэты погибли, земляне ушли в загул. Но военное время вернулось.

У Демьяна открылся аппетит. Одиночество среди новых фаэтов, – в большинстве фаэтянок, – сделало его замкнутым, предельно сдержанным. На Ананде он чувствовал себя много свободнее. Справившись с шаурмой, он налил себе полную рюмку «Столичной», молча выпил. И только после заговора:

– Вспомнил одно из последних собраний Комитета Пятнадцати. Задели тогда несколько тем. Начали с Лунного Лотоса, не давшем Денису Исидоровичу организовать на Луне военную базу. Затем о словах фаэта Амина. О Солнце как узловой точке в местной группе галактик. Не только Маджарры, то есть Млечного Пути. В Солнечной системе есть что-то особенное. Так и не успели узнать. Теперь оказывается – Земля не одна. И есть ещё и Ила-Аджала, близкая и недостижимая. С одной Земли на неё можно попасть, с другой – нет. Разве не странно? И вот – Гайяна. Треугольник магический нарисовался. А в центре треугольника – айлы! Люди, живущие внутри Радуги. Почти бесплотные, светящиеся, но мощью личной превосходящие Вэльва. И Эрланга. Причём – неизмеримо!

– Неизмеримо? – очень заинтересовался Ефремов, даже стопочку свою отодвинул в сторону, – Не преувеличиваешь? Впрочем, что я в этом понимаю... Дух – не материя. Я ведь и не предполагал, что вне вещества и энергии что-то может быть. Тут ещё, Демьян, загадки истории земной. Нур говорил об её искажении самими людьми. Не описания искажаются в головах, а сама реальность. Из-за переписывания и фальсификации. Как ты на это смотришь? В меня пока не вмещается. Айлы мыслят сверхординарно.

Демьян кивнул дважды. И сказал не совсем уверенно:

– Айлы – из анклава во времени, Иван Антонович. Вспомним историю человечества, чтобы понять. Может, я ошибаюсь. Вдвоём разберёмся.

Он наполнил стопки, приблизил бутылку «Столичной» к глазам.

– Смотри-ка, не кончается. А ведь не магия творится на борту. А нечто иное, высшее. Проистекающее из неизвестных нам законов бытия. Фундаментальных законов. Давай, вздрогнем, как говорили в нашем пропавшем прошлом.

И такая застарелая тоска блеснула в его повлажневших глазах, что и Ефремову захотелось заплакать. Выпили не закусывая, с глубоким выдохом, и Демьян продолжил:

– Первые поколения людей жили в Золотом веке, веке Дхармы. То есть праведности. Мне такое не светит. Им не нужны были ни заклинания-мантры, ни всякая йога. Знали и понимали столько! Левитация в повседневности, легко как исполняли желания, так и избавлялись от них. Да, левитация... Могли становиться неподъёмно тяжёлыми и невесомыми, как пушинка. В восемь раз увеличивались в размерах и, соответственно, уменьшались. Каково? Где были фаэты в те времена? А потом что-то произошло. Разбаловались, видимо. И пришёл век Серебряный, век Хромой Дхармы. Левитировать разучились, разум огрубел, для достижения желаемого пошли в ход мантры. Но и этот, в целом неплохой, век завершился. И попало человечество вместе с нами в век Железный, Тантрический. Пошли искусственные технологии. Вплоть до ракет с бомбами. Время тела наступило, а не духа, вот где разгадка! Как думаешь, «Звёздный Парус» из какого века взялся? Вот и я не в силах определить. Но я к чему? А к тому я, что айлы соответствуют нашему Золотому веку. Они сами ещё себя плохо знают. Сколько они жили в закрытом анклаве на Иле-Аджале? И только недавно вышли в свет. В них, в айлах, всё и сфокусировано. Всё, что с нами происходит и произойдёт.

Ефремов задумался. Пить дальше расхотелось. Есть бутерброды с шаурмой тоже. На Ананде можно и не есть, не похудеешь. А можно и объедаться – не пополнеешь. И – не магия, а нечто основополагающее, как сказал Демьян. И, скорее всего, он прав. В Комитет Пятнадцати Эрланг отбирал не просто вундеркиндов, а супер! Индиго...

Общий завтрак прошёл удивительно оживлённо и мирно. Фиргун попросил поставить Лампу на середину стола и дирижировал чаепитием, впервые участвуя в застолье на равных. У кушетки появился столик, на нём чашечка на блюде, тарелочки. Он протягивал чашечку, она вырастала за гранью Лампы в обычную, Азхара наливала чай. Фиргун забирал её, и уже малюсенькая она уютно парила там волшебным приятным запахом. Доверял он своё питание только Азхаре. И передаваемые ею бутерброды становились в Лампе миниатюрными, но очень аппетитными.

– Я отзываюсь на много имён. На Иле-Аджале меня звали Хитрым Дедушкой. Я согласился. Ведь я уже прожил на этом свете в тысячу раз больше зим и лет, чем каждый из вас. Так что – Дедушка. И Хитрый – ведь мне известно столько фокусов, которые и не снились вашим обманщикам в театрах и цирках. На Ананде мне присвоили имя Фиргун – Пустота. Почему не да? Ведь меня на самом деле среди вас нет. Но в то же время я есть, я здесь, вот он я, – он постучал кулачком по груди, взметнув рукавами халата как крыльями, пламя свечи заколебалось, – Дальше... Я предложил для удобства и приближения к истине называть меня Чакрвартином. На древних земных языках это означает Вращающий Колесо. Разве наша Маджарра – галактика Млечный Путь – не напоминает со стороны Колесо? А я представляю расу людей, обитающих в Ядре Маджарры. Высшая галактическая раса, подумали вы, крутят сразу полтриллиона звёзд со всеми туманностями вокруг себя. Так! И – не так! Мы не выше землян. И ниже айлов! Не спешите, я расскажу почему. Не всё сразу, друзья мои.

Он попросил у Азхары «ещё чайку». Она с таким изяществом выполнила просьбу, что Ефремов невольно вздохнул от восхищения. А Фиргун, поставив чашечку на столик, погрозил ему пальчиком. И с хитрой улыбкой спросил:

– Ты что-то хотел узнать от меня, брат Иван?

– Давно хотел, – чуть смутился Ефремов, – Кольцо миров есть? А если нет, будет?

– Нет. И не будет, – строгим голосом ответил Фиргун, – Ни в каких масштабах. Но как дикую мечту для себя можешь иметь. Вам бы всё обобществить, объединить. Да централизовать. Внутренних причин нет, так внешнего врага придумаете. А вот задуманный айлами треугольник, пожалуй, станет первым объединением в одну семью в известных мне пределах. Ощущаешь значение? Даже мы задумались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.